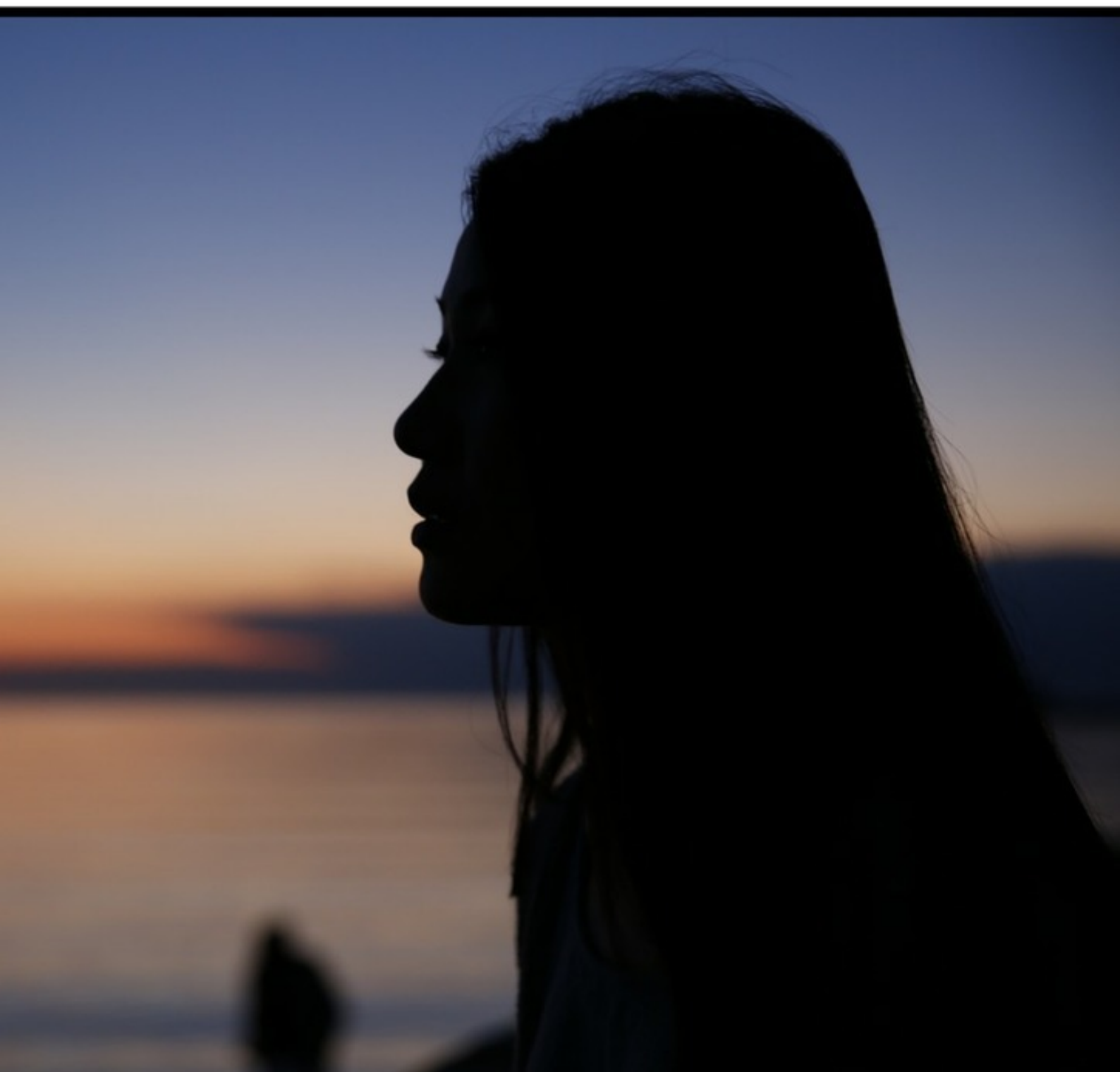

ЛАРИСА КАПИЦЫНА

Ловушка для Бесси

Лариса Капицына
Ловушка для Бесси

«Издательские решения»

Капицына Л. В.

Ловушка для Бесси / Л. В. Капицына — «Издательские решения»,

Книга написана в духе «старинного романа» и основана на реальных событиях, произошедших в годы первой мировой войны. Одинокaя немолодая учительница из Портсмута читает заметку в вечерней газете про серийного убийцу, который топил своих жен в ванной, имитируя несчастный случай, чтобы, став вдовцом, получить страховку. С ужасом героиня узнает на фото в газете человека, с которым она познакомилась недавно и с которым у нее завязался мимолетный роман...

Содержание

Дорис	6
Элис	10
Конец ознакомительного фрагмента.	50

Ловушка для Бесси

Лариса Валерьевна Капицына

© Лариса Валерьевна Капицына, 2015

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Дорис

В мае 1916 года, Дорис О. Райли, тридцатишестилетняя учительница из школы для девочек в Портсмуте, ужинала у себя в комнате и просматривала вечерние газеты.

К вечеру она уставала настолько, что сил едва хватало, чтобы наскоро проглотить скудный ужин и лечь спать. Но иногда, она позволяла себе читать за столом, поскольку чтение отвлекало ее от мыслей о школе. Это была едва ли не единственная ее дурная привычка, в остальном это была собранная, волевая и чрезвычайно уверенная в себе дама. По крайней мере, так говорили все кто ее знал. Под ее классным руководством находились тридцать девочек из рабочих семей, и далеко не каждая воспитанница была образцом благонравия. Крепкие нервы и выдержка при такой работе были просто необходимы. Может, из-за холодного, неприличного выражения лица, а может из-за того, что всякий раз, когда она прибегала к наказанию, ее пальцы, прохладные и жесткие, оставляли на коже весьма болезненные следы, ученицы прозвали ее «Жезная Дорис». Она знала об этом и втайне гордилась этим прозвищем.

Глотая безвкусные тушеные овощи с кусочками жесткой говядины, Дорис читала газетные заголовки, и ее тонкие губы искажала холодная усмешка.

Все центральные полосы были заняты освещением судебного процесса над неким Питером Смитом, который обвинялся в том, что с декабря 1914 года по апрель 1916 убил трех женщин с целью получения страховки. В разное время эти женщины являлись его женами и по просьбе мужа страховали свою жизнь на большие суммы, после чего Смит убивал их и беспрепятственно получал деньги согласно страховому договору.

Освещение громких судебных процессов было делом модным, но мисс О, Райли считала, что газетчики наживаются на скандалах и сенсациях, и относилась к написанному с большим недоверием. «Зловещие заголовки, шокирующие подробности, леденящие душу фотографии – все это лишь для того, чтобы пощекотать нервишки обывателю», – думала Железная Дорис, презрительно улыбаясь.

«Смит приговорен к повешенью!», «Присяжные признали Смита виновным!», «Убийцу ждет виселица!» – кричали заголовки.

Мисс О, Райли быстро пробежала глазами одну из статей, не слишком вдумываясь в ее смысл. Она только ощутила смутное беспокойство и прислушалась к себе. Не понимая, что могло ее взволновать, она прочла статью еще раз, более внимательно. Смита арестовали как раз в Портсмуте, на одной из центральных улиц возле головного офиса страховой компании «Санрайс иншуранс», где он намеревался получить страховые после смерти третьей жены.

«Вот оно что!» – Мисс О, Райли поморщилась. Сама мысль, что убийца находился в этом городе, была ей отвратительна. И хотя Дорис редко бывала в центре (школа и дом, где она снимала комнату, располагались на окраине), ей стало не по себе.

Она мельком взглянула на фото убийцы и хотела отложить газету. Но сердце у нее вдруг отчаянно забилося. Дорис приподнялась со стула, в глазах у нее потемнело, и она ухватилась за крышку стола, чтобы не упасть. Ей стоило немалых усилий заставить себя снова взглянуть на фото. Но она сделала это, и теперь рассматривала снимок во все глаза.

Она узнала его.

Конечно, это был он, мужчина, который ночевал у нее месяц назад, а утром, пока она спала, таинственно исчез. Вместе с ним исчезли скромные накопления за полгода и золотой кулон, подарок покойных родителей на совершеннолетие. На фото Смит выглядел, разумеется, не таким лохматым и респектабельным. На руках у него были наручники и взгляд жалкий и растерянный. Очевидно, его засняли в момент оглашения приговора.

Дорис долго стояла у раскрытого окна, жадно вдыхая свежий вечерний воздух, стараясь успокоиться и взять себя в руки. Вернувшись к столу и, вцепившись в газетный лист, она про-

чала статью от первой до последней буквы, хотя руки у нее ходили ходуном и строчки прыгали перед глазами.

Во вступительной речи представитель обвинения сообщил, что Смит выбирал своих жертв из одиноких, немолодых, физически и духовно уязвимых женщин, обделенных вниманием мужчин. Поначалу Дорис оскорбилась, но взглядевшись в небольшое настенное зеркало, в которое наспех смотрелась каждое утро, пришла к выводу, что в этих словах есть доля истины. В зеркале отразились светло-карие небольшие глаза, пожалуй, слишком близко поставленные, широкие почти мужские брови, тонкий, хрящеватый нос. Конечно, красавицей ее не назовешь. Главное, лицо уже стало блеклым и невыразительным, утратило краски молодости, которые так нравятся мужчинам. Увы! Приходилось признать, что мисс О, Райли полностью соответствовала такому описанию: она была одинока, малопривлекательна и немолода.

Она была не просто обделена мужским вниманием, она уже не помнила, что это такое. Может быть потому, заинтересованный взгляд, брошенный на нее незнакомым мужчиной, довольно приятным, перевернул что-то в ее душе, и она поступила так необдуманно.

Дорис познакомилась с ним в поезде, когда возвращалась в Портсмут от подруги, такой же одинокой и непривлекательной, как она сама. Поймав на себе его внимательный взгляд, она разволновалась, а когда он случайно коснулся ее руки, вздрогнула и ощутила легкое возбуждение, которое так привыкла подавлять в себе все эти годы.

Ей он сказал, что его зовут Девид

Он представился вдовцом и сообщил, что год назад потерял жену и двух дочек, девочек семи и двенадцати лет. При этом у него сделалось такое убитое лицо и рука, державшая папиросу мелко задрожала, так что Дорис немедленно прониклась к нему сочувствием и до конца поездки старательно избегала вопросов на личную тему. И еще она подумала, что они оба бесконечно одиноки в этом мире, и оба ищут родственную душу, с которой можно разделить одиночество.

Он проводил ее до дома, и она, сама не зная для чего, указала ему на свои окна. Вечером, ложась спать, миссис О, Райли услышала осторожный стук в окно. Ступая по длинному, узкому коридору и освещая себе путь дешевой трехпенсовой свечой, Дорис пошла открывать, успокаивая себя тем, что они просто мило проведут вечер в ее комнате, немного поболтают и может быть, кто знает! понравятся друг другу настолько, что эта случайная встреча перерастет в нечто большее. Но в глубине души она сознавала, что лжет себе, потому что стоило им взглянуть друг на друга, между ними возникло влечение настолько сильное, что противиться ему было невозможно. Как только они оказались в комнате, он немедленно обнял ее, поцеловал, и не дав ей опомниться, вскинул на руки и отнес на кровать.

Мисс О, Райли была не склонна к любовным авантюрам. Она с презрительной усмешкой относилась к наивным дурочкам, которые наслушавшись сентиментального вздора, позволяли мужчинам использовать себя, поскольку была уверена, что с ней ничего подобного случиться не может. Будучи наблюдательной и неплохо зная людей, она сразу чувствовала если кто-то лжет и представляется не тем, кем является на самом деле. Но в этом человеке было нечто столь располагающее, что заставляло довериться ему вполне. Он как-будто воплощал в себе все, что Дорис ценила в мужчинах – сдержанность, немногословность и в то же время нежность.

В общем, Дорис пришла тогда к горькому выводу, что если в один прекрасный день какой-нибудь негодяй вздумает вас облапошить, то непременно сделает это, чтобы вы там о себе не возомнили. Весь вопрос в том, насколько хорошо он знает свое дело.

Проснувшись и обнаружив пропажу, она, конечно, испугалась. Испугалась и подумала, что если бы проснулась в тот момент, когда он рылся в ее вещах, он мог запугать ее и даже избить. Он знал, что она не станет звать на помощь и поднимать шум. Ведь для нее было крайне важно, чтобы его визит остался тайным. Огласка могла повредить ее репутации. Потом она немного успокоилась и посчитала его мелким воришкой, прохвостом, который наврал с три

короба, чтобы пожить за ее счет. И все же... И все же она хотела верить, что нашептывая ей ночью какая она милая, славная, какая у нее обворожительная улыбка и что с того момента, как увидел ее, он мечтал только об одном – остаться с ней наедине, он не совсем лгал. Ведь такие слова не говорят просто так, не любя хоть чуть-чуть...

Она даже придумала ему оправдание. Может быть, думала Дорис, он не вор, а человек, который попал в затруднительное положение. Ведь такое бывает очень часто, особенно теперь, когда идет война, и люди бродят как неприкаянные, без семьи, без крова, без работы. Она даже надеялась (господи, какая она была дура!), что он явится к ней однажды с виноватой улыбкой на лице и все объяснит.

Теперь, с отвращением глядя на нечеткую фотографию и желая быть честной с собой до конца, она спрашивала себя: что было бы, если бы Смит, или как бы он там не назывался, не сбежал утром, пока она спала, а остался бы? Что, если бы он стал ухаживать за ней? Разве не об этом мечтала она, неистово прижимаясь к нему в любовном угаре, словно стараясь воздать себе за все прошлые и будущие одинокие ночи? Если бы он захотел жениться на ней, она была бы счастлива и сделала все, что бы он не попросил, вышла бы за него замуж, застраховала свою жизнь... И может быть теперь ее имя тоже значилось бы в газетах, а сама она, холодная и мертвая, лежала бы на портсмутском кладбище, и не нашлось бы ни одной живой души, которая пожалела бы ее или вспомнила добрым словом... Леденящий холодок запоздлого страха пробежал у нее по спине.

Забравшись с ногами на узкую неудобную кровать и накрывшись пледом, она долго и безутешно плакала над своей жалкой и нечемной жизнью.

К утру Дорис успокоилась и перестала дрожать. Она решила, что завтра соберется, пострается забыть обо всем, что с ней случилось, и к восьми часам, минута в минуту, собранная и аккуратная, как всегда, явится в класс. Но сегодня она никуда не пойдет. Она останется дома и попробует понять, что с ней произошло.

Это была уже другая Дорис. Жесткие складки залегли у нее возле губ, и уже никакая сила не могла стереть их с лица. Она решила, что с любовью для нее покончено.

Снова и снова перечитывая газеты, она думала, что возможно, в глубине души она распушенная, неудовлетворенная истеричка, у которой под напускной сдержанностью, даже холодностью, бушует вулкан настоящих страстей. Но ведь были и другие женщины, которые поступили также неосмотрительно. Только им повезло гораздо меньше, и они расплатились за свое короткое счастье жизнями.

В газетах почти ничего не говорилось о несчастных жертвах Смита. Назывались только имена и возраст: Элис Стоккер, двадцати трех лет, Патриция Дэвис, тридцати девяти лет, Бесси Смит тридцати двух лет. Все они были одинокими, небогатыми провинциалками.

Из родственников на суде присутствовала только двоюродная сестра Бесси Смит, которая во время речи обвинителя два раза теряла сознание, и в конце-концов ей пришлось покинуть зал заседания.

Судьбы этих женщин будто списали под копирку.

Смит женился на них, вез в свадебное путешествие, по пути или уже на месте оформлял страховку, а через несколько дней их находили мертвыми в ванне. Вызванные на место происшествия врачи и коронеры, констатировали смерть в результате несчастного случая, и поскольку на телах женщин не было никаких синяков, царапин и ссадин, которые неизбежны в случае насильственного утопления, Смит совершенно спокойно избегал возмездия и получал деньги за убийства собственных жен.

Никто не интересовался личностями погибших, точно они явились на свет только затем, чтобы сыграть свою жалкую роль в этом трагическом спектакле и исчезнуть так же незаметно, как прожили свою жизнь. У публики сложилось впечатление, что они были глупыми, наивными

и сексуально озабоченными. Им никто не сочувствовал, их никто не жалел и о них забыли сразу, как только судья вынес приговор.

Между тем, это были три совершенно непохожие женщины, пришедшие к своему трагическому концу разными путями.

Элис

– Мисс Барнхем! Вас срочно зовет к себе доктор Келли.

– Как дела, Дьюи?

– Плохо, мисс Барнхем. Почти всю ночь не спали. Поступило много раненых. А лейтенант Кросли бредил ночью, и у него жар. Должно быть, будут делать повторную операцию.

– Господи, какой ужас! Ведь ему только три дня назад отняли ногу!

– Доктор говорит, что гангрена поднялась выше и, если дошло до брюшной полости, то операция ему не поможет.

– О! Зачем же тогда мучить его?

– Всегда есть надежда...

Таковыми словами перекидывались работники госпиталя. Те, кто пришел утром, говорили бодро, те, кто дежурил ночью, валились с ног от усталости и разговаривали тихо и неохотно. Госпиталь напоминал огромный улей, где с утра до поздней ночи сновали взад и вперед люди, толкали друг друга, кричали, бегали по длинным, узким коридорам. Кто-то выздоравливал, кого-то готовили к операции, кого-то ругали за медлительность. Врачи и санитары выбегали на улицу покурить между операциями. Медсестры сносились как угорелые с чистыми бинтами, с носилками, с окровавленными простынями.

Элис Барнхем видела эту картину каждый день. Иногда утром, как сегодня, иногда вечером. Она так привыкла к людским страданиям, что почти не обращала на них внимания, а ведь первые недели в госпитале были для нее очень тяжелыми. Вид крови, гноящихся ран, тяжелый запах и самое страшное – тела умерших людей! – к этому нелегко привыкнуть. Но она привыкла.

В госпитале ее очень любили. Не только за добрый нрав, но и за необыкновенную внешность, которой наделил ее господь. Элис хотелось думать, что она похожа на мать, которой давно не было на свете. Каждый год они с отцом отмечали дату ее рождения и дату смерти. В раннем детстве у Элис еще сохранялись смутные воспоминания, но когда ей было лет семнадцать, она честно сказала отцу:

– Знаешь, папа, а ведь я ее совсем не помню, – и улыбнулась виноватой улыбкой.

Мистер Барнхем тогда печально покачал головой.

– Ты не виновата, дочка. Ты была совсем ребенком, когда она покинула нас.

– А какая она была? Я на нее похожа?

– Что ты! Она была светловолосой и тоненькой, и у нее были большие голубые глаза.

Элис вздохнула тогда. Значит, они были совсем не похожи, потому что она была брюнеткой среднего роста, чуть полноватой, с высокой большой грудью и тонкой талией. Красоту ее ног оценить было довольно трудно из-за длинной пышной юбки и накрахмаленного передника, спускавшегося почти до самого пола. Но все не сомневались, что ноги у нее тоже очень красивые. Однако самым замечательным было ее лицо – такое чудесное, нежное с большими карими глазами и с пухлыми губами и чуть вздернутым носиком. А уж если мисс Барнхем улыбалась, то всем открывалась ее ослепительная белозубая улыбка и ямочки на щеках. В госпитале не было ни одного мужчины, который мог бы остаться равнодушным к ее красоте, и все без исключения считали ее совершенством.

– Доброе утро, мисс Барнхем! – Позвольте вам помочь, мисс Барнхем, голубушка!

– А вот и мисс Барнхем заступила. Теперь день пойдет быстрее. – так они приветствовали ее с утра и улыбались ей весело.

Правда, мужчины есть мужчины, особенно военные. Их вниманием не были обделены и менее красивые девушки. Люди изголодались по любви, и, не смотря на страдания, кровь и смерть, воздух в госпитале был словно пропитан любовью. Мужчины вели себя здесь по-осо-

бенному. Среди них попадались обаятельные и не очень, из богатых и совсем бедных семей. У кого-то были жены и невесты, кто-то был всегда одинок. Но здесь они словно забывали об этом. Каждый делал вид, будто сестра из госпиталя Уилоби, даже самая некрасивая и непривлекательная – предел его мечтаний. Начинались ухаживания, соблазнения, записки с признаниями, попытки назначить свидание. Многие девушки попадались на это. Например, Мэри Грант сошлась с одним капитаном, ходила за ним как за ребенком (у него было тяжелое ранение плеча) и, конечно, переспала с ним несколько раз. Она рассчитывала, что когда он окончательно поправится, они смогут пожениться. Может капитан ей пообещал, а может Мэри сама нафантазировала. Только, когда он поправился, за ним приехала жена. Капитан любезно представил ей Мэри.

– Вот, дорогая, эта девушка выходила меня. Она просто ангел. Без нее я бы точно пропал.

– О! Благодарю вас! – супруга капитана схватила Мэри за руку и трянула ее энергично.

Она ни о чем не догадывалась. – Вы сама доброта!

В знак благодарности супруги оставили Мэри немного денег, и счастливые, покинули госпиталь, а Мэри долго плакала в кладовой с отвращением глядя на тоненькую грязную пачку на краю стола.

В госпитале долго обсуждали этот случай, и у всех было разное мнение. Одни говорили, что капитан – негодяй и поступил с Мэри очень подло. Другие посмеивались и считали, что Мэри сама хотела «поймать» его, но он оказался умнее.

– Ей еще повезло, что она не забеременела, – утверждала Лиза Кендал, девушка симпатичная и весьма уверенная в себе. – Полгода назад одна медсестра уволилась, потому что осталась с ребенком, а ее сержант уехал домой и думать о ней забыл.

– Разве нельзя было пожаловаться начальству? – робко спрашивали девушки.

– Кому? Да и доказать еще надо. Девушка должна думать своей головой. Вот ты, Кэти, так и таешь, когда твой лейтенант Аллен пишет тебе любовные записки и целует ручки.

– Я ничего такого ему не позволяю! – возмущенно оправдывалась Кэти, миловидная толстушка лет двадцати.

– Все так говорят! – отмахивалась Лиза. – Начинается все с записок, а кончается ребенком.

Девушки задумывались. Почти у каждой был в госпитале поклонник или мужчина, который ей очень нравился. Наслушавшись таких разговоров, девушки твердо решали про себя, что не позволят никаких вольностей, пока не получат предложения. Остаться с ребенком, без помощи, без мужа в такие тяжелые времена – это участь, которой не пожелаешь и врагу.

Но шло время, и все забывалось. Кто-то не мог устоять против ласковых объятий и красноречивых обещаний. Кто-то добивался своего и, дождавшись предложения, уезжал со своим женихом или мужем начинать новую жизнь.

Все это было не для Элис.

Ведь у нее был Грем. Самый лучший мужчина на свете.

Она совсем скоро выйдет замуж, и уж Грем-то ее точно не обманет.

Она даже не старалась быть верной. Просто для нее на свете был один мужчина. Поэтому Элис с легкостью отшивала всех ухажеров и вела себя с ними как с маленькими детьми, беспомощными и глупыми. Поведение ее было настолько безупречным, что вскоре все раненные почувствовали, что добиться внимания мисс Барнхем, пожалуй что, невозможно. Они были почтительны и смотрели на нее с обожанием, но никогда не пытались грубо приставать к ней, предпочитая заняться кем-то более доступным.

Город оживал по вечерам, везде можно было видеть обнимающиеся парочки. Девушки, нарядные и веселые, шумными стайками бегали по городу в поисках кавалеров. Единственный кинотеатр по вечерам был забит до отказа. Молодые люди и девушки только и ждали, когда в зале погаснет свет, чтобы, забыв про фильм, целоваться в свое удовольствие.

Пожилые горожане относились к такому поведению критически. Взять хотя бы отца Элис. «Девушки точно с ума посходили. – частенько ворчал он. – Готовы повеситься на первого встречного. Совсем забыли о стыде и скромности.» Он никогда не заговаривал с Элис о том, что она должна быть скромной и высоко ценить свою девственность. Он воспитал ее в строгости и верил в ее добродетель. Элис совсем не походила на всех этих сумасшедших девиц, что носились по городу, размалеванные, с пышными прическами, помешанные на мужчинах. Мистер Барнхем представить себе не мог, чтобы его дочь кокетничала, завлекала... Для этого она была слишком простодушна, слишком чиста. Когда он окликал ее, она поворачивала голову и смотрела на него таким безмятежным, таким открытым взглядом, что он ни на минуту не сомневался в ее порядочности. Впрочем, если она надевала новую юбку или шляпку моднее, он оглядывал ее недовольно. «Зачем ты так нарядилась, дочка? Не стоит привлекать к себе внимание. Ты и так красивая девушка. Слишком яркий наряд тебе ни к чему.» Иногда по простоте душевной, Элис рассказывала ему что какая-нибудь девушка из госпиталя попала в затруднительное положение. Он слушал ее внимательно и обязательно говорил, пожимая плечами: «Что ж, дочка, эта девушка сама виновата. Нужно помнить себя. С порядочной девушкой ничего подобного случится не может.» От его слов веяло такой убежденностью, что Элис безоговорочно верила ему. Но, когда утром, по дороге на работу, Элис видела целый поток женщин, красивых и не слишком, молодых и в годах, каждая из которых мечтала только об одном – встретить своего Джона или Питера, завести семью, детей, она начинала сомневаться в его правоте. Этим женщин было так много, а молодых, здоровых мужчин – так мало. Оставался госпиталь, в который женщин со всей округи тянуло как магнитом. Все они занимались на добровольные дежурства по выходным. Разряженные, с подведенными в соответствии с модой глазами, они торчали у входа, расточая призывные улыбки и бросая по сторонам быстрые, жадные взгляды. Каждая надеялась, если не найти своего суженного, то хотя бы услышать комплимент в свой адрес, увидеть улыбку, адресованную ей, прочесть интерес к своей персоне со стороны какого-нибудь мужчины, пусть даже и не очень привлекательного. Раненные, особенно из тех, что уже шли на поправку, более чем охотно шли на встречу этим желаниям. Они тоже долго, очень долго ощущали на себе отсутствие женской ласки и красоты. Правда, их намерения были более конкретными. Каждый хотел завести интрижку с Мери или Гейл, насладиться ею сполна, а потом уехать на родину и забыть о том, что было в госпитале Уилоби в 1914 г.

Каждый день какая-нибудь Мэри или Гейл уходила в подсобку, чтобы тайком поплакать над разбитым сердцем, из-за того что ее возлюбленный уезжал навсегда или больше не захотел с ней видеться по вечерам и переключил свое внимание на другую девушку. И тогда Элис думала, что, пожалуй, отец прав. Эти девушки слишком доверчивы, слишком легковверны.

Сама Элис вела себя очень сдержанно, хотя и дружелюбно, и всячески давала понять, что не намерена принимать ухаживания со стороны солдат и офицеров. Одевалась она всегда скромно, а больничная форма медсестры и вовсе скрывала прелести ее фигуры. Она прятала волосы под грубый накрахмаленный чепец и надеялась, что эта униформа делает ее похожей на остальных девушек в госпитале. Вновь прибывшие раненые, если только раны были не слишком тяжелые, смотрели на нее восторженно, улыбались ей, но потом понимали, что у них нет шансов, и оставляли ее в покое, одаривая вниманием девушек попроще. Иногда, правда, попадались очень уж нахальные типы, вроде одного капитана с легким ранением руки. Он так нагло обсматривал ее фигуру с головы до ног, что она невольно краснела и съеживалась под его раздевающим взглядом. Он был дерзким, и его мало интересовало, нравится он ей или нет. Элис делала ему перевязку и чувствовала, как он утыкается глазами ей в грудь, вдыхает ее запах, шарит глазами по ее лицу, по губам, и ей казалось, что еще немного, и он вопьется в ее рот своим, с маленькими черными усиками над верхней губой, которые придавали его лицу что-то зловещее, и каждый раз Элис становилось противно и немного жутко. Но пожаловаться на него Элис не могла, потому что за все время он не только не сказал и не сделал

ничего оскорбительного, вообще не сказал ей ни слова. Не могла же она сказать, что он как-то не так смотрит на нее! Про себя она называла его самыми оскорбительными словами, которые были ей известны, но где-то в глубине души, понимала, что если, не приведи Господь, они останутся наедине, то он сделает с ней все, что пожелает. И она будет стоять как парализованная, и у нее не хватит сил ни оттолкнуть его, ни закричать. Все дело было в ощущении уверенности и силы, исходившем от него. Одним взглядом он заставлял ее опускать глаза, и как не старалась она в его присутствии придать лицу строгое или равнодушное выражение, но как только чувствовала как его глаза шарят по губам, по груди, сразу начинала волноваться, руки становились неловкими, она роняла бинты и лекарства. А главное – предательский румянец, густо покрывавший щеки, выдавал ее с головой. Если бы не волнение, за которое Элис так злилась на себя, он бы давно оставил ее в покое. Но она ничего не могла с собой поделать. Еще никто не заставлял ее чувствовать себя такой униженной и такой... соблазнительной. Он даже смотрел на нее не как на женщину, а как на добычу и, замечая ее смущение, гаденько улыбался. Элис понимала, что он будет забавляться так долго, как ему будет угодно. Он так опротивел ей, что одно время она даже подумывала уволиться. Но вскоре его выписали, и он отбыл не то в Брайтон, не то в Балтимор, так что через некоторое время она и думать о нем забыла.

И все-таки Элис нравилось работать в госпитале и ухаживать за ранеными. Чтобы они не делали, это были герои, защитники, мужественные люди. Например, лейтенант Кросли, которому недавно ампутировали ногу. Осколком снаряда ему раздобило голень, началось заражение, и ногу спасти не удалось. Этот милый, скромный человек, еще совсем молодой, навсегда останется инвалидом. Правда, Элис слышала, что он из состоятельной семьи и, ему не надо будет искать себе работу и беспокоиться о пропитании, но он так настрадался и принял такие ужасные мучения, что Элис жалела его всей душой и старалась быть к нему особенно внимательной.

Сегодня быстро переодевшись в сестринской в чистую накрахмаленную форму, она решила проведать его.

Он ужасно изменился за эту ночь. Небритые щеки ввалились, и глаза лихорадочно блестели.

– О! Милая мисс Барнхем! Элис! – страдальческое лицо расплылось в улыбке. Говорил он задыхаясь, с трудом разлепляя запекшиеся губы. – Доброе утро!

– Доброе утро, Джон. – они договорились, что будут обращаться друг к друг по имени. И он единственный подопечный, которому она позволила эту вольность. – Как вы себя чувствуете?

Он попытался приподняться. – Лежите, лежите! Что вы? – испуганно запричитала она

– Сегодня не очень хорошо, как видите. – он виновато развел руками.

– А что сказал доктор?

– Боюсь, у меня не очень хорошие новости. Похоже, мне предстоит еще одна операция. – у него дрогнул голос, но он заставил себя улыбнуться.

– Джон, мне так жаль! Что я могу для вас сделать?

– У меня есть к вам просьба, мисс Элис. – он нашел ее руку и стиснул горячими пальцами. – Могу я рассчитывать, что во время операции вы будете держать меня за руку, вот как сейчас?

– Вы могли бы не просить меня. – Элис старалась говорить как можно бодрее. – Это моя работа.

– Нет-нет, мисс Барнхем. Я хочу видеть ваше лицо, когда приду в себя... если я приду в себя, – грустно поправился он.

– Не надо так говорить! Все зависит от настроения, вы же знаете.

– Вы выполните мою просьбу? – в голосе его звучала мольба. Он был так жалок, и вместе с тем, в нем чувствовалась такая воля и мужество, что Элис готова была пообещать ему что угодно. Элис кивнула, и он тут же выпустил ее руку.

– Ну вот. – он отвернулся от нее. – Теперь вы можете не обращать на меня внимания. Я буду спокоен. И больше не стану надоедать вам.

Элис вздохнула.

Целый день она носилась как угорелая из одной палаты в другую. К вечеру, не чувствуя ног от усталости, она дотащилась до сестринской и прилегла на кушетку. Ноги у нее гудели, она чувствовала себя разбитой и уставшей, но как только она закрыла глаза, ее будто что-то толкнуло: Джон Кросли! Она ведь обещала ему!

Она вскочила, накинула на плечи легкую шаль и побежала разыскивать санитаря Дьюи, который знал все на свете.

– Его прооперировали, беднягу. – Заявил Дьюи, делая глубокую затяжку. – Что-то пошло не так, и он едва не отдал богу душу во время операции. Теперь он в своей палате, кажется без сознания. Но ты сходи проведай его. Он только и спрашивал о тебе, пока доктор его не отключил.

Элис нашла Джона Кросли в палате. Он уже приходил в себя. Он всматривался мутными, блуждающими глазами в лицо девушки и как-будто не узнавал ее. Элис схватила его за руку. Рука была очень горячая и мелко дрожала.

– Джон! Это я, Элис! Вы меня узнаете? – она чуть тряхнула его руку и наклонилась совсем низко, чтобы ему легче было видеть ее. Он ничего сказал, только поднес ее руку к губам. Элис поняла, что он узнал ее.

Как ни жалела Элис бедного капитана, выйдя из госпиталя, она сразу перестала думать о нем. Все ее мысли занимал теперь совсем другой человек, и думая о нем, она забыла об усталости, о других людях, даже о своем старом отце. Этот человек был для нее важнее всех людей вместе взятых.

Пока она не узнала своего возлюбленного, жизнь ее была довольно скучна. В основном, ее заполняла работа и забота о пожилom отце. Конечно, такую жизнь нельзя назвать веселой, тем более для молоденькой девушки. Но это мало беспокоило Элис. Она только боялась пропустить того единственного, который предназначен ей судьбой. Элис верила в любовь и знала, что будет счастлива рано или поздно.

Элис возвращалась домой довольно поздно, и отец никогда не спрашивал почему она задержалась. Она делала нужное, полезное дело, и он считал излишним надоедать ей вопросами. Он никогда не ложился спать без нее и всегда дожидался ее возвращения. Ужинали они тоже вместе в просторной гостиной, за старым большим столом. В их доме почти все было старым и обветшалым, многие вещи нуждались в ремонте или замене: расшатанная мебель старого образца, выцветшие картины на стенах. Они так привыкли к этой обстановке, что никому и в голову не приходило что-то изменить. Во-первых, они были небогаты, а во-вторых старик не любил швырять деньги на всякие глупости. И Элис знала, будь у него хоть миллионы, он жил бы точно также, в старом доме, со старой мебелью, в неприглядной обстановке, к которой привык.

Элис и ее отец молча ужинали и расходились по своим комнатам. Он желал ей спокойной ночи и целовал ее в голову.

– Спокойной ночи, папа. – отвечала Элис и исчезала за дверью маленькой комнаты, которую отец разрешил ей обставить по собственному вкусу. Ей тогда было лет восемнадцать, и она выбрала светлые обои с голубыми цветочками, чтобы комната, в которой было мало света, не казалась такой мрачной. Теперь Элис было двадцать три, но обои ей по-прежнему нравились. Иногда, просыпаясь, она проводила рукой по голубым цветам и нежно гладила нарисованные лепестки.

Оставаясь одна, она надевала тонкую кружевную рубашку и, сидя перед большим зеркалом, распускала чудесные темные как ночь волосы. Зеркальное отражение было прекрасным, немного загадочным, почти мистическим. В такие минуты она думала о том, с какой радостью подарит себя своему единственному, как счастлив будет он гладить ее длинные, спускавшиеся до самой талии волосы, целовать ее чудесные губы! Элис приподнимала подол рубашки, чтобы полюбоваться ногами, чуть полноватыми, с изящной шиколоткой и крошечными пальчиками. Полупрозрачная ночная рубашка не скрывала высокой упругой груди, которой она втайне гордилась. Сдержанная наружно, внутренне Элис была очень чувственной девушкой. Она мечтала о мужчине, который однажды обнимет ее так, как ей и не снилось.

Она знала, что красива и старалась одеваться не слишком броско, но время от времени баловала себя то новой сумочкой, то новой шляпкой.

Кстати, именно разглядывая в витрине модного магазина шляпку, выставленную для продажи, она и познакомилась с Гремом Стоккером. Она как раз раздумывала подойдет ли темно-коричневый цвет к ее волосам, как услышала рядом с собой одобрительный возглас.

– Господи помилуй, какая красotka! – голос был приятный и совсем не нахальный.

Привыкшая к таким возгласам Элис бросила на него равнодушный взгляд. Он, конечно, не был писанным красавцем, скорее наоборот. Но было в нем нечто такое, что притягивало к нему как магнитом. Она часто вспоминала потом эту встречу и много времени спустя поняла, что Грем нравился женщинам именно манерой общения. Он разговаривал с женщинами немного свысока, как разговаривают взрослые с детьми, но ласково, никогда не смущался в присутствии женщин и не искал их расположения. И еще от него исходило ощущение уверенности и силы, которые так нравились женщинам, и вызывали у них немедленное желание подчиниться. Не смотря на не броскую внешность (он был высокий, худощавый блондин), ему удавалось выглядеть настоящим щеголем. Он любил хорошие костюмы и дорогие галстуки, а начищенные до зеркального блеска туфли – были его слабостью. Все это в сочетании с приятными манерами делало его довольно привлекательным в глазах женщин. Вот и в тот вечер он выглядел также: в черном костюме, хотя и не новом, но довольно приличном, и шелковом жилете, из кармана которого выглядывал кончик белого платка, в высокой шляпе и черных лаковых ботинках. Элис взглянула на него мельком, но не стала говорить с ним. Это было не в ее правилах – разговаривать с незнакомыми мужчинами. Она сделала вид, что продолжает рассматривать шляпку. Грем перехватил ее взгляд и небрежно сказал:

– Мечтаете купить эту шляпку? Она слишком дешевая для вас. Вам нужно подыскать что-нибудь по-шикарнее.

Она промолчала.

– Если бы я был такой красивой девушкой, я бы целыми днями смотрелся в зеркало. А вы, мисс, часто смотрите в зеркало? Наверняка часто.

Элис улыбнулась тогда, и он шутливо схватился за сердце.

– Господи, а какая улыбка! Прямо сердце тает. Если бы я знал, что в этом городе живут такие красотишки, то перебрался бы сюда давным давно.

– А вы разве не здешний? – спросила она на этот раз заинтересованная. Она так и подумала, что он приезжий.

– Я приехал два дня назад в поисках работы и счастливой судьбы.

– Ну что ж, – она еще раз улыбнулась. – Желаю вам удачи.

Элис сразу поняла, что эта встреча не закончится просто так, что судьба свяжет ее с этим человеком. Несмотря на то, что он вежливо приподнял шляпу, а она побрела вдоль витрин, Элис чувствовала, что он смотрит ей вслед, а когда обернулась, увидела что он медленно идет за ней, не приближаясь, но и не выпуская ее из виду. Она не придала этому значения. Скорее всего, он отстанет на Рассел-роуд, самой оживленной улице города. Там было слишком многолюдно и преследовать ее на таком большом расстоянии ему будет неудобно. Элис прошла

по этой улице и, обернувшись, увидела его метрах в двадцати у себя за спиной. Он заметил ее взгляд и снова приподнял шляпу. Ей понравилась его настойчивость, но желая подразнить его, она остановилась у булочной Корфа, зашла внутрь и купила две овсяные булочки к чаю, и когда вышла из дверей магазина, незнакомец стоял перед ней.

– Как вы меня напугали! Я думал, что потерял вас. – Его встревоженное лицо позабавило Элис, и она невольно улыбнулась, но тут же спохватилась и строго спросила:

– Зачем вы за мной идете? – Придерживая одной рукой дамскую сумочку и бумажный пакет с выпечкой, другой рукой она пыталась поправить локон, падавший ей на лоб. Он не смутился и, взяв у нее из рук пакет и сумочку, ответил вопросом на вопрос:

– Вам известно, что вы самая красивая девушка из всех, что я когда-либо встречал?

– Ну и что с того? – она все больше и больше проникалась к нему симпатией, но по какой-то причине не хотела так легко обнаруживать этот факт. Ей хотелось выглядеть очень строгой и недоступной. Но он говорил с ней так, как будто не замечал ее строгости и отстраненности. Тон его был открыт и дружелюбен. Весь его вид как бы говорил: «Хочешь поиграть в недоτροгу – ради бога, но я-то вижу, что ужасно понравился тебе.»

Остаток пути они шли уже рядом. Грем нес ее пакет и бережно поддерживал за локоть, чтобы она не оступилась в темноте. Они дошли тогда так быстро, что она никак не могла вспомнить, о чем они говорили. Она только помнила ладонь, сжимавшую ее локоть, и взгляд, полный восхищения. Еще ни один мужчина или молодой человек не приводил ее в такое волнение. Элис остановилась недалеко от дома и попросила не провожать ее дальше. Грем сразу все понял и остановился.

– Должно быть, вы живете в одном из этих домов? Не хотите, чтобы ваши родители видели вас со мной? – он передал ей пакет и с сожалением посмотрел ей в глаза. – Может, вы сможете выйти ненадолго? Мы могли бы прогуляться по вечернему городу и все такое... Обещаю, через час вы будете дома.

Она покачала головой. Ей хотелось остаться одной и хорошенько все обдумать. Но что, если он окажется не слишком настойчивым, и она его больше не увидит?

– Я работаю в госпитале и каждый день в это время возвращаюсь домой. – она говорила это, внимательно разглядывая кончик своего ботинка. – Завтра я тоже буду идти этой дорогой...

Она побрела к дому и оглянулась только один раз, когда открывала входную дверь. Он стоял на месте и ласково улыбался.

Грем встретил ее следующим вечером и на другой вечер, и на следующий, и во все последующие вечера. После работы Элис уже не шла домой, а гуляла с ним по городу. Отцу она говорила, что ее задерживают в госпитале. Сперва мистер Барнхем возмутился. Разве можно так нагружать работой молодых девушек! Но потом стал приглядываться к ней по-внимательнее, и когда она говорила, что в госпитале ужасно много работы – недоверчиво качал головой.

Каждое новое свидание не походило на предыдущее. Грем умел развлечь девушку. Конечно, он был уже не молод, но Элис этого почти не замечала, и когда он, сильный и мускулистый, легко подхватывал ее на руки и переносил через лужи или грязь, попадавшие на пути, она чувствовала себя пушинкой в его руках. На какую-то секунду ей поневоле приходилось обхватывать его шею руками и почти касаться губами его щеки. Сердце ее при этом колотилось так, что стук отдавался у самого горла.

– Вы такая легкая, Элис, – говорил он, бережно опуская ее на землю. – Прямо перышко!

Грем не замечал ее волнения или делал вид, что не замечает. Но Элис казалось, что он все понимает и в душе посмеивается над ее смущением.

Однажды вечером, провожая ее к дому, он вдруг прижал ее к кирпичной стене и, закрыв своим телом, чтобы не было видно прохожим, поцеловал. Это был очень долгий и сладкий поцелуй, такой долгий, что у нее подкосились ноги и закружилась голова. Она еще не испы-

тивала ничего подобного и поначалу испугалась, ахнула и хотела оттолкнуть его, но потом сама обняла его за шею, и прижавшись к нему, растворилась в этом поцелуе. В этот вечер они почти не разговаривали, и всякий раз, когда им попадался укромный уголок, он разворачивал ее и целовал долго и страстно.

Вернувшись домой, она не стала ужинать, и пожелав отцу доброй ночи, прошмыгнула в свою комнату, точно мышка. Элис закрыла за собой дверь и стояла прижавшись к ней спиной, тщетно пытаясь унять стук сердца. «Боже, что за вечер! – подумала она тогда. – Необыкновенный!» Перед ней словно открылась дверь в неведомый мир, мир наслаждений и любви. Она больше не была красивой, но одинокой Элис. Теперь у нее был мужчина, который сводил ее с ума. В эту ночь она почти не спала и, утром первым делом подумала о нем.

– Что с тобой, дочка? – спросил ее за завтраком отец, когда она в третий раз не ответила на его вопрос. – Ты сегодня какая-то странная. Молчишь все время, почти ничего не ела. Что тебя беспокоит?

Элис испугалась, что отец учинит допрос, и стала много и не к месту говорить, чем вызвала еще больше подозрений.

– Да что с тобой такое? – еще больше изумился мистер Барнхем. – То молчишь, то тараторишь без умолку. Я тебя просто не узнаю.

Она чмокнула его в морщинистую, гладко выбритую щеку и выбежала из дому.

День показался ей чудесным. Теперь все дни казались ей чудесными, ведь за ними наступали вечера, и Грем уже ждал ее в условленном месте. Пока было светло, он не позволял себе ничего лишнего. Они только прогуливались и разговаривали. Грем рассказывал ей о себе. Он не так давно лишился работы и теперь хотел обосноваться в этом городе. Он снимал комнату в пансионате в западном районе города. Элис рассказала ему про госпиталь и про отца. В сущности, обоим мало интересовали эти подробности. Оба ждали, когда, наконец, стемнеет, и можно будет приникнуть друг к другу. Теперь он шептал ей на ухо всякие нежные слова, говорил, что скучал весь день и думал только о том, что вечером сможет снова поцеловать ее.

– А ты? Ты ведь любишь меня, правда? Скажи!

– Да, Грем! Я так соскучилась! – Снова следовали поцелуи и признания, которые вызывали у нее приятное головокружение.

Вскоре Грем предложил ей зайти к нему в комнату. Совсем ненадолго. Они только посидят немного в тепле, а потом он проводит ее домой.

Элис испугалась. Она уже нарушила многие из своих давнишних табу. Целоваться с мужчиной на улице, страстно отвечать на его поцелуи, (а ведь они едва знакомы!) – все это уже не казалось ей таким уж большим преступлением. Но пойти к нему в комнату, остаться с ним наедине – это уже шаг посерьезней, и Элис была к нему не готова. Она отказалась тогда, но Грем с самым серьезным видом заверил ее, что ей нечего опасаться. Правда. Он скорее отрубит себе руку, чем сделает что-то недозволенное.

– Не стоит меня бояться, дорогая. Ты же видишь, что я отношусь к тебе серьезно. Разве я могу позволить себе лишнее? Я ведь не мальчишка и сумею держать себя в руках. – В его голосе звучала легкая обида. А Элис ни за что на свете не хотелось его обижать. И они, взявшись за руки, отправились на Западную улицу, в дом миссис Фарли, где Грем снимал жилье.

Он сдержал слово и не позволил себе вольностей. Маленькая комната Грема освещалась только светом фонарей с улицы. Им было так хорошо вдвоем! Он держал ее на коленях и качал точно маленькую девочку. Элис казалось, что большего и желать нельзя. В этот вечер они решили, что им суждено быть вместе. Вернее, решил Грем, а Элис с ним согласилась. Он сам заговорил о женитьбе, и она поняла, что намерения у него самые серьезные.

С тех пор ее жизнь совершенно переменилась. Днем она работала в госпитале, а вечера проводила с Гремом, и только пробыв у него несколько часов, возвращалась домой, к отцу.

Мистер Барнхем уже обо всем догадывался и стал разговаривать с дочерью сухо. Он видел, что в ней больше нет той открытости и простодушия, которые так нравились ему всегда, и понял, что у нее кто-то появился, какой-то поклонник, который ей очень нравится. Но почему она скрывает это и не познакомит их? Предполагалось, что прежде чем гулять с мужчиной до позднего вечера, нужно представить его своему отцу, спросить совета. Но Элис явно не собиралась этого делать. Видимо, пока в ее жизни не происходило ничего такого, о чем стоило бы говорить. Так думал мистер Барнхем, умудренный жизненным опытом, пожилой человек, в то время как его любимая дочь, каждый вечер поднималась по скрипучей лестнице, ведущей на второй этаж обшарпанного дома, где сдавались меблированные комнаты с пансионом за три фунта в неделю. Она тихонько стучала, потому что хозяйка, миссис Фарли, терпеть не могла, когда к постояльцам ходили гости, дверь тут же открывалась, словно Грем только и ждал ее стука. Он втаскивал ее внутрь и начинал жадно целовать. Успокоившись немного, они садились пить чай за маленьким шатким столом. Грем спрашивал как прошел день, не устала ли она. Элис интересовалась не получил ли он какое-нибудь место. Потом Грем сажал ее на колени – это была его любимая привычка, и они обсуждали, как лучше обустроить свою жизнь и где найти деньги на свадьбу. Грем никак не мог устроиться на работу, и его деньги были на исходе. Они могли обвенчаться, но не могла же она приходиться сюда каждый вечер точно любовница!

– Главное сейчас – найти работу, милая, – говорил Грем. И так было с самого начала в их паре – он говорил, она слушала. – Если бы у меня было место страхового агента, как прежде, я бы ни минуты не раздумывал и женился бы на тебе хоть завтра. Мы бы сняли подходящее жилье, где-нибудь в хорошем районе, поближе к твоему госпиталю. А может быть, ты не стала бы работать и занималась нашим домом. Вот бы славно мы зажили с тобой! Представь только: я бы приходил вечером, а ты бы ждала меня с ужином. А потом мы шли бы гулять по городу, заходили ли бы в кондитерскую, выпивали бы по чашечке кофе. – у Грема даже глаза сладко прищуривались, так ему нравилось то, что он описывал. А Элис была на седьмом небе от счастья. Тихая, спокойная жизнь, полная любви! Это было именно то, о чем она мечтала.

Потом начиналось безумие, которое все труднее становилось контролировать. Грем заходил все дальше и, если Элис начинала протестовать, уверял ее, что главное не переступить черту.

– Милая, просто доверяй мне, – шептал он в темноте в промежутках между поцелуями. Невинные романтические поцелуи были в прошлом. Он уже привычным движением расстегивал кофточку и гладил ее полную грудь. Элис изнывала от его ласк и не сразу останавливала его. Грем позволял себе все большие вольности и однажды отнес ее на кровать и попытался раздеть. Собрав волю в кулак, Элис рванулась из его рук, и схватив пальто, выбежала из комнаты. Она еще помнила истории, услышанные в госпитале. Не то, чтобы она не доверяла ему, просто в самую важную минуту эти рассказы напоминали ей о том, что она не замужем, а следовательно, может оказаться такой же жертвой, как и прочие девушки. Кроме того, ей хотелось, чтобы самое главное случилось между ними после венчания, чтобы он знал, что она честная девушка и умеет держать себя в руках.

Грем извинился потом за этот вечер и сказал, что безумно влюблен в нее, и поэтому ему трудно сдерживаться. Единственный выход для них – пожениться как можно скорее, иначе они натворят глупостей...

Несколько дней она не подпускала его к себе, и он вел себя сдержанно. Но вскоре все повторилось, и в сущности, их встречи стали представлять собой непрерывную борьбу между желанием и добродетелью. К концу третьей недели эта сладкая пытка изрядно утомила обоих. Несколько раз Элис была готова уступить ему. Каждое его прикосновение вызывало в ней трепет и затуманивало разум. И все же, она понимала, что если станет его любовницей, то не сможет себя уважать потом. Что если она забеременеет, а они все еще не будут женаты? Как она посмотрит в глаза отцу, знакомым, соседям? Грем был твердо намерен жениться, она чувство-

вала, что он не обманывает ее. Но вместе с тем, он не говорил ничего конкретного, ничего определенного. Он никак не мог найти работу, но у нее создалось впечатление, что он не слишком старается. Грэм хотел быть страховым агентом, но в Уилوبي была только одна страховая контора, и там в его услугах не нуждались. Значит, нужно было найти что-нибудь другое, но ни он, ни тем более она, представления не имели чтобы это могло быть. Он читал объявления о найме, но везде требовалась грубая рабочая сила, а такая работа им даже не рассматривалась.

Кроме того, Элис тревожил предстоящий разговор с отцом. Нужно было сообщить ему, что она выходит замуж и, возможно, попросить у него помощи. Но Элис догадывалась, что отец не одобрит ее выбор и не станет ей помогать. У Грэма не было денег, не было работы, не было жилья. Вряд ли мистер Барнхем обрадуется такому зятю.

Элис ждала подходящего момента, чтобы познакомить их, но случилось так, что отец сам столкнулся с ними на улице, когда Грэм провожал ее домой. Они посмотрели друг на друга долгим изучающим взглядом. Грэм почтительно приподнял шляпу, мистер Барнхем холодно взглянул на него и пошел к дому, строго напомним Элис, что уже поздно. У Элис упало сердце. Два ее любимых мужчины не понравились друг другу! На губах Грэма застыла усмешка, полная презрения.

– Какой напыщенный старикан! – произнес он, и быстро пожав руку Элис, скрылся за углом.

Элис зашла в дом, усадила отца в большое кресло и стала говорить с ним.

– Папа, я люблю этого человека. – без лишних предисловий сказала она. – Он тоже любит меня и хочет на мне жениться.

– Что же, это и есть тот мужчина, из-за которого ты уже месяц точно угорелая кошка? – насмешливо поинтересовался мистер Барнхем, стараясь избежать ее прямого взгляда. Еще совсем недавно он упрекал ее в скрытности, но теперь, когда она говорила честно и открыто, досадовал на нее еще сильнее. Как можно без всякого стыда и стеснения заявлять о своей привязанности к такому подозрительному типу? И еще гордиться своей прямоотой?

Предполагая, что дочь принимает ухаживания от какого-то мужчины, мистер Барнхем считал, что это офицер из госпиталя, возможно получивший ранение, за которым Элис ухаживала. Поэтому, думал он, она возвращается домой почти за полночь, чтобы быть к нему поближе и заботиться о нем. Мистер Барнхем рассчитывал, что она вскоре познакомит их, и если он окажется достойным человеком, желательно со средствами, он не раздумывая благословит их союз. Ему виделся совсем молодой человек из порядочной семьи, трогательно ухаживающий за Элис. Но то, что он увидел сегодня глубоко возмутило и разочаровало его.

– Да, папа. – Элис решила не обращать внимания на его колкости. Сейчас было важно узнать его мнение, и если у него возникли сомнения, попытаться их развеять. – Он тебе чем-то не понравился?

– Не понравился. – вздохнул отец и с досадой покачал головой.

– Чем же?

– Да всем. – мистер Барнхем неторопливо закурил трубку и выпустил облако пахучего дыма. – Во-первых, он тебе в отцы годится. Ему же, наверное, лет сорок, а то и больше...

– Грему сорок лет, отец. Но если дело только в этом, то я не вижу тут ничего страшного. Ты тоже был старше мамы на десять лет. И потом, мне всегда нравились мужчины постарше. Они как-то более надежны. Я уже насмотрелась на своих сверстников в госпитале. Они такие легкомысленные болтуны...

– Легкомысленные болтуны, которые отдали долг родине и пострадали за нее! А этот проходимец, небось, и дня винтовки в руках не держал. Ты спросила у него почему он не в армии?

– Я не знаю, папа, – Элис немного растерялась. Она стояла перед отцом, испытывая нарастающее раздражение от того, что приходится выслушивать всякие гадости о Греме. А ведь ста-

рик даже не знал его! Откуда же в нем столько злости? – Я обязательно спрошу у него, если тебе это так интересно. Лично мне – это не интересно, но я спрошу.

– Ну, хорошо. А чем он занимается? – мистер Барнхем смотрел на нее с вызовом. – Это ты хотя бы знаешь?

– Конечно, знаю. Он работал страховым агентом в другом городе, но работу потерял. Теперь надеется здесь найти себе место.

– Хм... Где же он живет?

– Он снимает комнату на западной стороне. – Меблированную, – разочарованно подытожил отец

– Это временно, пока он не найдет работу, – убеждала Элис. – Скоро он встанет на ноги и...

– Никогда этого не случится! – убежденно сказал мистер Барнхем. – Мужчина, который до сорока лет не обзавелся ни домом, ни делом – ничего не достигнет в будущем. Все, что ему остается – пристроиться за чей-нибудь счет. Желательно за счет какой-нибудь вдовушки постарше. Только при чем здесь ты, такая молодая, красивая? Ты – слишком лакомый кусок для этого тощего кота.

– Пожалуйста, не говори так! – в голосе Элис зазвучали истерические нотки. – Грем очень хороший. Мне никто кроме него не нужен, так и знай! Он очень хочет работать, просто сейчас такие времена, найти работу очень трудно.

– Трудно найти работу лентяю и прохвосту. Никогда моя дочь не выйдет за него замуж! – Упрямство было одним из основных черт характера мистера Барнхема, и Элис поняла, что дальнейший разговор не имеет смысла. Мистер Барнхем, который очень редко закуривал трубку, закашлялся.

– Ну зачем ты куришь, папа? – укорила его дочь. – Теперь будешь кашлять до утра. – Она потянулась за трубкой, но отец с силой оттолкнул ее руку, и Элис невольно отступила.

– Оставь меня в покое! Я не нуждаюсь в твоей заботе. – Старик тяжело поднялся и ушел в свою комнату, напоследок громко хлопнув дверью. И Элис еще долго слышала его глухой кашель за стенкой.

Утром отец не пожелал ей «доброго дня», как делал это много лет подряд, а за завтраком не сказал ей ни слова. Элис пила чай и бросала на его угрюмое лицо, мрачное лицо настороженные взгляды. Кажется, за ночь он не только не смягчился, но стал еще более отчужденным и теперь отгородился от нее стеной молчания. Его настроение огорчило ее, но еще больше ее огорчило настроение Грема, к которому она забежала перед работой.

Он встретил ее ласково, но без обычного восторга, она сразу поняла, что он оскорблен и обижен.

– Милый, я ужасно спешу, но не могла не зайти к тебе. Как ты? – она, не раздеваясь прошла в комнату и присела на стул.

– Право, не знаю, Элис. Человек я как будто неплохой, ни в чем таком не замечен. А он посмотрел на меня как на последнего негодяя. Даже не ответил на мое приветствие. Что я ему сделал, скажи! – Грем, без пиджака и жилета, в белой рубашке и костюмных брюках со штрипками, прохаживался по комнате. Когда на лоб ему падала светлая прядь, он нервно встряхивал головой и запускал руку в волосы. Вся его фигура выражала крайнюю степень досады.

– Пожалуйста, милый, не сердись на него. Он всегда был таким, немножко странным... Он очень недоверчивый человек. Со временем, когда он узнает тебя получше...

– Ну нет! Больше я его видеть не намерен. Слишком много он о себе возомнил.

– Как же мы теперь сможем пожениться? – Элис смотрела на него умоляющими глазами. – Ведь у тебя пока нет работы, а я получаю всего пять фунтов в неделю. Этого не хватит, чтобы жить вдвоем. Ведь надо платить за комнату и за стол...

– Не знаю, детка. Поди сюда. Поцелуй меня. Вот так. А теперь иди в свой госпиталь и предоставь все мне. Я что-нибудь придумаю. Обещаю, я женюсь на тебе с согласия твоего папаши или без него.

Прошел день, второй, а там и неделя, но Грем так ничего и не придумал. Единственное, что он предложил – нажать на старика, чтобы он поскорее выделил Элис приданое. Грем самым подробным образом расспросил ее об их финансовом положении. Особенно его заинтересовали сто фунтов, скопленные Элис за несколько лет, и находившиеся теперь в распоряжении мистера Барнхема. Вот если бы Элис сумела вытребовать эти деньги, они смогли бы пожениться и снять приличную комнату или даже квартиру!

Элис была разочарована. Она рассчитывала, что Грем согласится на любую работу, хотя бы даже и тяжелую. А пытаться надавить на мистера Барнхема – все равно, что пытаться сдвинуть скалу.

С отцом Элис не разговаривала. Так было и прежде, но теперь тишина в доме стала гнетущей. Стоило кому-нибудь из них заговорить, как мгновенно вспыхивала ссора. Мистер Барнхем обвинял дочь в легкомыслии и глупости. Он даже мысли не допускал, что его дочь, такая рассудительная, такая умная, может связаться с ничтожеством. Не имеет ни работы, ни денег, а разодет как франт! Наряжаться и модничать, когда кругом разруха и столько горя! И такой неприятный, ускользающий взгляд! Предлагает девушке жениться, не имея собственного угла! Наверняка рассчитывает поселиться здесь и жить припеваючи за его счет. Отец кричал, что она так одурела от своего ухажера, что уже наверное во всю спит с ним. Конечно! Где же они встречаются, если не у него? Ведь не ходят же они по улице до ночи в такой холод? Пусть пеняет только на себя потом и не рассчитывает на его помощь, когда этот мерзавец бросит ее с ребенком. Он не станет помогать вздорной девчонке, которая собственными руками губит свою жизнь.

Старик всегда любил ставить точку в разговоре, но теперь Элис убегала в свою комнату, не дослушав его и громко хлопнув дверью. Она начинала ненавидеть отца, потому что он никак не хотел ее понять. Если бы у них с Гремом были деньги, она бы ушла из дому не раздумывая!

Эти грубые слова и претензии осокорбляли ее до глубины души, и она почти каждую ночь засыпала в слезах, тщетно придумывая выход из создавшегося положения.

К тому же в госпитале произошло событие, которое не касалось Элис напрямую, но все же расстроило ее и заставило всерьез задуматься о собственной судьбе.

Неприятности случились с Джулией Стайлз, которая так же как и Элис, работала в госпитале, и была единственной девушкой, которую Элис могла назвать подругой. Джулия, утонченная, изящная блондинка с небесно-голубыми глазами, была дочерью торговца скобяными товарами, который держал два магазинчика в разных районах города, и получал стабильный доход. Он растил двух дочерей в строгости, в соответствии с правилами приличия, которые сам же и устанавливал, поэтому работа в госпитале не слишком приветствовалась. Элис поняла, что скрытная, тихая Джулия пошла работать в госпиталь не из добрых побуждений, а лишь для того, чтобы ненадолго вырваться из-под надзора тирана-отца, который ей шагу ступить не давал. Джулия с детства привыкла скрывать свои мысли и желания, и была не слишком общительной, но с Элис охотно дружила, хотя и не поверяла ей своих тайн и душевных терзаний. Иногда они вместе ходили домой, только Джулия сворачивала на Колвер-стрит, а Элис шла дальше. Они обе немного свысока смотрели на остальных девушек, работавших в госпитале, и старались держаться от них подальше, как воспитанные девушки избегают всего грубого и вульгарного. Они иногда потихоньку посмеивались над нарядами остальных девиц, над их раскрашенными щеками и губами. Ни Джулия, ни тем более Элис в этом не нуждались. Когда они шли по улице, все обращало на них внимание, так красиво они смотрелись вместе – нежная, тоненькая блондинка и пышная, яркая брюнетка. Высокие, стройные, с чистой матовой кожей и белоснежными зубами, они всегда привлекали к себе внимание. Офицеры

брали под козырек и улыбались, солдаты одобрительно свистели им вслед. Но обеих это только забавляло.

Так же как и Элис, Джулию всегда сопровождали восторженные, обожающие взгляды, но она была холодна с мужчинами и равнодушна к ним. И Элис решила, что у нее есть поклонник или жених, которому она хранит верность. Будучи более открытой, Элис сразу рассказала ей о Греме, но не сказала, что посещает его комнату, боясь, что Джулия станет ее осуждать.

Однажды утром, во время обхода, доктор Келли делал перевязку одному сержанту. Элис и Джулия сопровождали его. Перевязку следовало сделать давным давно, но обе забыли об этом, и теперь доктор распекал их. Джулия держала в руках поднос с инструментами и бинтами, а Элис разматывала старый бинт. Вдруг Джулия согнулась пополам, и бросив поднос на соседнюю кровать, опрометью бросилась из палаты. Элис и доктор растерянно переглянулись. Доктор Келли подумал, что чувствительная девица расплакалась из-за его грубого тона.

– Голубушка, – обратился он к Элис, мягко дотрагиваясь до ее руки. – Я все сделаю сам. Успокойте ее, ради бога. Какая нервная девушка! Разве можно с такой психикой работать в больнице? – и он осуждающе покачал головой.

Элис нашла Джулию в сестринской, как и предполагала. Она приоткрыла дверь и услышала, что Джулию несколько раз вырвало на брошенной в углу кучу ветоши.

– Ради бога, закрой дверь! – успела сдавленно крикнуть Джулия между мучительными спазмами.

Встревоженная Элис протянула ей стакан воды, и усадив бедняжку на стул, приоткрыла окно в комнате. Джулия немного успокоилась и стала приходить в себя. Элис с недоумением смотрела на ее бледное лицо и испарину на лбу.

– Что с тобой, милая? – Элис присела рядом и взяла Джулию за руку. – Ты что, заболела? Вот мокрое полотенце, оботри лицо.

Джулия сидела тихо, не поднимая глаз.

– Я не заболела, нет. – она покачала головой, и уткнувшись лицом в мокрое полотенце, заплакала. Элис хотела обнять ее, но она отстранилась и, полная решимости, выпрямилась на стуле.

– Я расскажу тебе все. Но ты должна дать мне обещание, что никто не узнает о нашем разговоре.

– Ты могла бы не просить меня, дорогая. Ты же знаешь, я не из болтливых. Ну скажи, что с тобой случилось?

Джулия вздохнула, собираясь силами, признание давалось ей нелегко.

– Знаешь ты капитана Майлза?

– Того, что был влюблен в тебя? Конечно, я его знаю. Его плечо почти зажило, доктор готовит его на выписку и...

– Он... не слишком хорошо обошелся со мной, понимаешь?

Элис прекрасно поняла, что значит эта фраза, и в ужасе зажала рот руками.

– Как же так, Джули? – тихо спросила она. – Ведь он тебе даже не нравился. Ты всегда смеялась над ним. Говорила, что он некрасивый, слишком маленького роста, и...

– Оставь, Элис! – Джули иногда бывала очень раздражительной. Вот и теперь она смотрела на подругу почти с неприязнью. – Мало ли что я говорила! Он с самого начала нравился мне. Я просто старалась это скрывать, вот и все.

Элис знала капитана Майлза. Она видела его несколько минут назад. Вся палата, а это была палата для старших офицеров, знала, что он влюблен в Джулию. Он никогда ничего не говорил, но всегда смотрел на нее как на богиню. В его голосе, в его глазах было столько страсти и мольбы, что даже Элис подчас становилось жаль его. Джули же была к нему совершенно равнодушна и не замечала его вздохов и взглядов. Когда она отходила от него с надменным видом, у него было такое убитое лицо, что на него было жалко смотреть. Элис сама просила подругу

быть с ним поласковее. Как-никак он был героем войны, доблестным воином, к тому же получившим ранение. Он заслуживал хотя бы более внимательного отношения к себе. Джули только улыбалась холодно и даже жестоко высмеивала его. Поэтому услышав, что капитан доставил ей неприятности, Элис была безмерно удивлена. Все-таки, Джули была очень скрытной девушкой, и под этой красивой оболочкой, похоже, таились нешуточные страсти.

– Месяц назад он написал мне письмо и передал его через своего подчиненного. Он писал, что безумно влюблен в меня и что, если я не соглашусь встретиться с ним, то он... покончит с собой. Это было очень странное письмо. Он писал, что я снюсь ему каждую ночь и... там были такие слова, которые я не могу тебе пересказать. Он думал обо мне день и ночь, и эти мысли сводили его с ума. Помнишь, одно время он так похудел и осунулся, что все подумали, будто он снова заболел? Я прочла это письмо и уже не могла отказать ему. Я согласилась с ним встретиться, как только он получит увольнительную. А ты знаешь, как мне нелегко выкроить время вечером. Отец мне шагу не дает ступить без разрешения. Только и делает, что выпрашивает, куда я пошла, и когда вернусь. Но я как-то ухитрилась, сказала, что мне надо подменить одну девушку в госпитале.

Джули перемежала свою речь горькими вздохами и изредка поднимала на Элис прозрачные голубые глаза, чтобы убедиться, что Элис ее не осуждает.

– Ну вот. Мы несколько раз погуляли по городу. А потом он сказал, что снял номер в гостинице и хочет, чтобы я пришла к нему. «Что толку ходить по улицам, – сказал он. – Ведь я даже не могу дотронуться до вас.» И я... пришла к нему в номер. Я не стану говорить тебе всех подробностей, скажу только, что это было лучшее, что случилось со мной за всю мою жизнь! – глаза у Джули сверкнули и в голосе слышалась такая убежденность, что Элис поверила ей сразу. Разве сама она не делает теперь этого каждый вечер? Разве она могла осуждать эту девушку? Только видимо, Джули зашла слишком далеко, и теперь ей придется расплачиваться за свое короткое счастье.

Джули сидела на стуле и нервно теребила тонкими нежными пальцами кусочек бинта. Это было ее всегдашней привычкой – теребить что-нибудь в руках в минуты волнения.

– Я не знаю почему, но я пропустила срок, и у меня болит голова, и вот видишь, меня постоянно мутит. Как ты думаешь, – с надеждой спросила она, доверительно коснувшись руки своей подруги. – это ведь не беременность? Я хочу сказать, ведь не обязательно это может означать беременность?

– А раньше такое бывало? – Элис ужасно хотелось сказать ей что-нибудь ободряющее, но не знала, за что зацепиться.

Джули покачала головой. Подбородок у нее задрожал, и глаза снова наполнились слезами.

– Успокойся, Джули, – Элис погладила ее по руке. – Пожалуйста, не плачь! Может, ты действительно паникуешь. Я слышала, такое бывает...

Пока Джули рыдала у нее на плече, и ее худенькие плечи сотрясались, Элис решила высказаться напрямую:

– Слушай, Джули, беременна ты или нет, но тебе просто необходимо поговорить с капитаном. Почему бы и ему не поволноваться немножко? Он ведь тоже имеет к этому отношение. Может быть, он обрадуется и сделает тебе предложение? Только не говори мне, что не хочешь выйти за него.

Джули взглянула на нее таким отчаянным взглядом, что у Элис дрогнуло сердце.

– Я бы пошла за ним на край света, позови он меня только! Вся беда в том, что он охладил ко мне. Я приходила к нему пять или шесть раз. И в последнюю нашу встречу он сказал, что больше не хочет меня видеть.

– О, Джули! Но почему?

– Не знаю. Должно быть, я надоела ему

– Все равно, – Элис упрямо тряхнула головой. В ней иногда брал верх характер отца. – Ты должна сказать ему. Не может же он жить дальше, как ни в чем не бывало?

Но Джули тоже была упрямой и посмотрела на нее гневно сверкнув глазами.

– Я не стану ему навязываться! Не хочу, чтобы он женился на мне только потому, что я забеременела. Я сама пошла к нему, сама захотела... этого.

– Знаешь, Джули, гордость в твоём положении – последнее дело. Слишком много унижений придется тебе пережить, если опасения подтвердятся, и ты останешься одна, с ребенком на руках. Подумай об этом, прошу тебя. Хочешь, я поговорю с ним? Ты ведь даже не знаешь как он отнесется к этой новости. Может, воспримет ее с радостью... – в последнее, впрочем, Элис и сама верила с трудом.

– Ты думаешь, нужно с ним поговорить? – робко спросила Джулия. Она была в смятении. Боялась сказать ему и не сказать. – Правда, Элис. Если бы ты могла намекнуть ему, может быть... Только я не стану говорить с ним. У меня просто не хватает духу.

Не откладывая в долгий ящик, Элис разыскала капитана и вывела его на улицу, чтобы поговорить. Он пребывал в отличном настроении, от его любовных томлений не осталось и следа. Капитан был бодр, весел и почти здоров, только старательно прикрывал курткой заживающее плечо.

Выслушав Элис, Майлз повел себя омерзительно. Он напрочь открестился и от Джули и от ребенка. У него нет намерения жениться в ближайшее время. А если мисс Стайлз пришла от кого-то ребенка, то пусть не рассчитывает свалить все на него. Он никогда не женится на такой женщине, распущенной и легкодоступной. И он добавил такое слово по поводу мисс Стайлз, что Элис предпочла как можно скорее пропустить его мимо ушей.

– Какой же вы негодяй, капитан! – от гнева у нее полыхали щеки.

Но Майлз не рассердился, а посмотрел на нее с восхищением. Он прижал Элис к стене, и нагло улыбаясь, сказал:

– А вы – просто прелесть! Я давно вас заметил. Вы гораздо красивее вашей подруги. Почему бы нам не прогуляться по городу сегодня вечером? Я скоро уезжаю, и мне было бы приятно провести с вами выходные.

– Держитесь от меня подальше. – тихо сказала Элис и пообещала. – Если вы и дальше будете вести себя также мерзко, я пожалуюсь полковнику Дэвидсону. Я подниму шум и устрою скандал. Ну как, я все еще прелесть? Или ваш пыл немного поостыл?

Гаденькая улыбка сползла с лица капитана. Он уважал полковника, а полковник не любил скандалов. Майлз не испугался, но перестал вести себя так нахально. Он неохотно выпустил Элис и сказал напоследок:

– Передайте вашей подруге, что я ее знать не хочу. Она слишком распущенная. Надо уметь обуздывать свой темперамент. – Капитан усмехнулся, и слегка морщась (к вечеру у него начинало ныть плечо), скрылся за дверью. Он посчитал разговор оконченным.

Элис ничего не сказала Джули о его поведении и о тех грубых словах, которые он себе позволил. Она лишь сообщила ей, что на капитана нет никакой надежды, и нужно придумать, что делать дальше. Но внимательно выслушав ее, Джули вдруг потеряла всякий интерес к разговору. Лицо ее стало равнодушным и вялым.

– Все кончено, Элис. Я его потеряла. Остальное меня мало волнует.

– Что же ты станешь делать? – Подожду еще пару недель и скажу все дома.

– Джули! – окликнула ее Элис. – Ты ведь не сделаешь ничего... необдуманного?

– Ты хочешь спросить, не покончу ли я с собой? – горько усмехнулась Джули. – Не бойся. Для этого мне не хватит решимости. Хотя это был бы самый лучший выход...

Через пару недель Джулия не пришла в госпиталь, и доктору Келли пришлось спешно искать ей замену.

Элис навестила ее лишь однажды. Она часто проходила мимо дома Джулии и знала, где та живет. Протягивая руку к звонку, Элис немного волновалась. Если родители Джули все узнали, то вряд ли они разрешат им поговорить. Но ей повезло, и дверь открыла сама Джулия. Она не выказала радости и сказала с досадой:

– А, это ты! Подожди здесь. Я только накину что-нибудь и выйду к тебе.

Джули вышла через минуту, такая же тоненькая и изящная как всегда. Только ее светлые волосы были теперь аккуратно забраны в тяжелый узел. В простеньком, очевидно домашнем, платье и шерстяном платке, в который она зябко кутала свои худенькие плечи, Джулия выглядела как подросток, и не верилось, что эта хрупкая девочка скоро сама станет матерью.

– Сядем тут. – она указала на скамейку возле палисадника. – Дальше я не пойду.

Они присели, и Элис поймала себя на мысли, что не знает как начать разговор.

– Ты не ходишь на работу...

– Отец запретил мне посещать госпиталь. – Джули сорвала веточку дерева и теперь отщипывала листочки. Тонкие, белые пальцы дрожали.

– Ты, видимо, сообщила им все как есть?

– Да. Теперь я сижу дома и никуда не выхожу. Они решают, что со мной делать. Наверное, отправят меня к тетке в Америку, в Брайтон. А там скажут, что я была замужем, но мой муж погиб.

– Джули! – Элис ободряюще потрепала ее по руке. – Может, это не так уж и плохо? Там ты сможешь начать новую жизнь, с чистого листа, понимаешь?

Джули усмехнулась и обреченно покачала головой.

– Знала бы ты мою тетку! Она еще хуже, чем отец. Будет следить за мной, как за преступницей и изводить меня презрением и нравоучениями. Она старая дева и ненавидит... распутниц, вроде меня.

Дверь распахнулась, и в проеме показалось недовольное женское лицо.

– Джули! Кто там? С кем ты разговариваешь? – голос был полон недоверия.

– Это Элис Барнхем, мама. Я тебе говорила, мы вместе работали в госпитале. Она пришла навестить меня.

Миссис Стайлз натянуто улыбнулась Элис и кивнула ей головой.

– Пожалуйста, недолго. На улице становится свежо. – громко проговорила она и скрылась за дверью.

– Она делает вид, что беспокоится обо мне. – усмехнулась Джули. – На самом деле они все, – она пренебрежительно кивнула в сторону дома, – ненавидят меня. Отец говорит, что я опозорила их, и даже не разрешает мне обедать за общим столом. Еду мне приносят в комнату. Даже старшая сестра теперь ненавидит меня, хотя ей-то я ничего плохого не сделала. Отец почти каждый вечер поднимается ко мне и изводит меня разговорами и упреками. А все потому, что он рассчитывал, что я выйду замуж за мистера Руни, его компаньона. Но теперь-то понятно, ничего не выйдет. А я только рада! Видела бы ты это ничтожество: он маленький, лысый, и ему почти пятьдесят лет. В нем нет ничего мужественного, ничего привлекательного...

Джули раздраженно взмахнула рукой и, когда рукав ее платья натянулся, Элис увидела на руке, чуть повыше кисти, синие пятна. Очевидно, мистер Стайлз, в ежедневных душепашительных разговорах с дочерью давал волю не только словам, но и рукам. Джули перехватила взгляд подруги, покраснела и поспешно спустила рукав на место.

Элис поражалась тем переменам, которые произошли с Джули за несколько дней. Лицо ее было также красиво и свежо, но имело какое-то сонное, тупое выражение. Прозрачные голубые глаза, прежде живые и переливчатые и всегда носившие в себе некую тайну, теперь смотрели равнодушно и уныло. Должно быть, только выработав тупое безразличие, можно было

перенести домашний ад. Лишь один раз эти глаза ожили и засверкали как в былые времена, когда Элис обмолвилась, что капитан Майлз отправлен домой, и его уже нет в городе.

– Вот как? – по голосу, по сгорбленным плечам Джули было понятно, что эта новость является для нее убийственной, но в то же время ожидаемой. Когда она совсем низко опустила голову, Элис заметила, что на руку Джули капнула вначале одна слеза, потом другая. Неужели новость об этом человеке еще могла волновать ее?

Элис протянула ей платок и погладила по плечу.

– Не надо так переживать. Этот человек причинил тебе столько горя... Лучше тебе поскорее забыть о нем.

Джулия прижала платочек к глазам и шмыгнула носом.

– Весь ужас в том, дорогая, что я никак не могу забыть его. Я все время думаю о нем, чтобы я не делала, чем бы не занималась... Он точно приворожил меня, понимаешь? И мне ужасно стыдно любить человека, который теперь совсем равнодушен ко мне. Но я ничего не могу с этим поделать. Они спрашивали меня о нем, хотели, чтобы я назвала его имя. Но я не говорю им. И никогда не скажу! – Джули гневно сверкнула глазами. – От этого они злятся еще больше. Ох, Элис! – на ее лице теперь играли краски жизни: волнение, растерянность, тоска. – Мне все стало безразличным, все осточертело. Я хочу видеть его, понимаешь? Он необходим мне как воздух.

Они посидели еще немного. Наконец Джулия поднялась и протянула руку Элис.

– Прощай, – сказала она. – Больше не приходи ко мне. Я теперь не слишком подходящая компания для тебя. И выходи поскорее замуж за своего любимого, чтобы не оказаться такой же дурой как я.

Джулия развернулась и направилась к дому.

Больше Элис ее никогда не видела.

Возвращаясь вечером домой и перебирая в уме разговор с Джули, она не могла не признать, что не смотря на доверчивость и неосторожность этой девушки, даже на ее распущенность, в поступках Джулии была какая-то особая женская правота. Поведение Джулии не одобрялось людьми старшего поколения, но зато ее легко было понять тем, кто помоложе. Жизнь брала свое, и противиться инстинктам и желаниям было очень трудно. Перед самой Элис тоже стояла непростая задача – сохранить свою любовь, и в то же время, не оказаться в таком положении, в котором оказывается рано или поздно любая девушка, которая идет на поводу у своих желаний, пренебрегая нормами морали.

Бесконечно опечаленная этим разговором, Элис рассуждала сама с собой и во многом винила людей старшего поколения. Если бы они лучше понимали своих детей, можно было бы избежать многих бед. Если бы Джулия и ее мать были ближе друг другу, то Джулия могла бы посоветоваться с ней. Но старики так категоричны, так непреклонны в своих суждениях, как будто сами никогда не были молодыми! Взять хотя бы ее отца! Он всегда говорил, что любит ее, что она – самое дорогое что есть у него, но стоило ей полюбить, как его будто подменили. Он стал упрямым и злым, говорит ей такие грубые, такие ужасные слова, что теперь ей даже не хочется возвращаться домой и видеть его. Конечно, он не такое чудовище как отец Джулии, мистер Стайлз, да и она не такая неприспособленная как Джули. Элис с детства вела дом и выполняла женские обязанности. У нее есть работа и хотя и очень маленькая, но зарплата. В сущности, она могла бы уйти из дома хоть сейчас и обойтись без его одобрения, ей только не хватало смелости порвать с ним окончательно, слишком многое их связывало. Ведь сколько она себя помнила, они всегда жили вместе. Кроме того, отец был таким старым и немощным, что, пожалуй, нуждался в ней больше, чем она в нем. Мистер Барнхем часто болел, и иногда приходилось по целым вечерам сидеть у его постели, давать ему питье и порошки, кормить его, менять ему белье, проветривать комнату. Кто станет делать это, если она бросит его? Если бы он не был таким упрямым, они с Гремом могли бы поселиться в их доме, и оба, по мере воз-

возможности, ухаживали бы за ним, и ему не было бы так одиноко как теперь. Как хорошо бы им жилось вместе, если бы не его упрямство!

Все еще смутно надеялась, что отец образумится, Элис выжидала момента, когда у него будет хорошее настроение, продумывала убедительные доводы. Несколько вечеров подряд, она возвращалась домой по-раньше. Ей казалось, что это успокоит его, и он будет настроен не так враждебно. Но дома ее встречало все тоже угрюмое лицо и насупленные брови. Так что она не выдерживала и сбегала на западную улицу, где ее ждали ласки, объятия и любовь.

Старый мистер Барнхем не спал ночами. Дочь шла по скользкой дорожке, он видел это вполне определенно. Следовало поговорить с ней, образумить ее, в этом он видел долг отца, но ему не хватало выдержки. Мешала гордость и старческая раздражительность. Он видел, что не имеет на дочь прежнего влияния, и это глубоко уязвляло его самолюбие. Каждый вечер старик давал себе слово быть более терпимым в разговорах с дочерью, но утром, глядя как она тщательно наряжается, как долго вертится перед зеркалом, очевидно, чтобы произвести впечатление на этого проходимца, сердце его закипало, и он говорил ей гадости. Когда она уходила в слезах, он корил себя за несдержанность и снова клялся, что вечером, когда она вернется, он будет говорить с ней иначе. Но вечером все повторялось, и ему никак не удавалось донести до нее свои тревоги и образумить ее. Он ни на минуту не допускал мысли, что сможет принять ее выбор. Он мог только уберечь ее от ошибки, которую она намеревалась совершить. Этот мерзавец (а мистер Барнхем теперь не называл его иначе) никогда не переступит порог его дома и не станет его зятем! По развязному виду, по щеголеватой манере одеваться, по той нахальной бесцеремонности, с какой он тискал руку его дочери, мистер Барнхем сделал вполне определенные выводы об этом человеке, и никакие уговоры не могли бы разуверить его. Его только поражало, что Элис, его Элис! такая рассудительная, такая скромная, могла увлечься этим бездельником и прохвостом. Она должна была бы обратить внимание на мистера Вурса, владельца кондитерской с улицы напротив, их старого знакомого, который явно был к ней не равнодушен, или мистера Нича, нотариуса с Бромли-роуд, вдовца, который как раз подыскивал себе жену, как слышал мистер Барнхем. Конечно, они не были бравыми молодцами, не слишком большое значение придавали своей внешности, не умели говорить дамам комплименты, а у мистера Нича и вовсе было двое детей. Но это были надежные люди, солидные и вполне обеспеченные. В их серьезности можно было не сомневаться. Мистер Вурс прямо дал понять ему в приватной беседе, что Элис всегда производит на него самое благоприятное впечатление, и что он в восторге от ее красоты и бойкого нрава. Обоим кандидатам тоже было за сорок, но в их случае это было простительно. Эти люди крепко стояли на ногах и сумели бы позаботиться о ней, тогда как мерзавец, задуривший ей голову романтическими бреднями и слюнявыми поцелуями, мог только ввергнуть ее молодую жизнь в нищету и безденежье. Мистер Барнхем отлично представлял себе чем закончится эта связь. Через пару лет, его дочь, подурневшая от многочисленных изнуряющих забот, будет сбивать башмаки в поисках лучшей работы, чтобы этот человек смог купить себе новый жилет или шляпу! От таких перспектив у старика сводило скулы. Ну что прикажешь делать с вздорной девчонкой!

«Хорошо, – рассуждал сам с собой мистер Барнхем. – Пусть сердце ее не лежит ни к мистеру Вурсу, ни к мистеру Ничу. Но ведь не это же ничтожество, жалкий франт, у которого нет ни работы, ни денег и который, еще не женившись, до поздней ночи таскает ее по городу и морочит голову!». Он, мистер Барнхем, видит его насквозь. Ни один порядочный отец не позволит своей дочери, если только она ему не безразлична, связать судьбу с этим проходимцем. Понятно почему они просто не обвенчаются! Ждут, что он раскошелится и станет им помогать. Долго же им придется ждать!

Даже если бы они с Элис смогли бы поговорить по душам, этот разговор вряд ли принес бы пользу. Никакие родительские предостережения уже не могли образумить Элис. Мысленно она уже считала себя замужней женщиной, брак был для нее всего лишь вопросом вре-

мени. Отец, к советам которого она так прилежно прислушивалась раньше, теперь казался ей старомодным, отставшим от жизни человеком. Что он понимает? Он, конечно любит ее, но заботясь о ней, забывает самое главное, что она молода и сама хочет любить. Элис больше не могла полагаться на его жизненный опыт, на его предостережения. Он слишком предубежден, слишком упрям и совсем не хочет понять ее.

Терзаемые взаимными претензиями, они стали почти врагами, хотя и думали друг о друге постоянно. Когда отец особенно донимал ее своей грубостью, она тешила себя надеждой, что Грем сам предложит ей пожениться, не дожидаясь помощи со стороны. Пусть придется нелегко первое время, почти не будет денег и придется много работать, но это было бы лучше, чем лелеять призрачные надежды на то, что отец образумится и поможет им.

Но Грем ничего не предлагал. Он все еще искал работу, но то ли он был недостаточно настойчив, то ли ему в самом деле не везло, но место никак не находилось. Он истратил почти все сбережения, и теперь частенько бывал не в духе.

– Даже не знаю, милая, почему так происходит. – говорил он жалобным голосом. – Ничего не получается, сколько я ни стараюсь! Я был сегодня в трех местах, в разных районах города. Ноги у меня просто отваливаются, так много пришлось ходить пешком. Мне везде отказали. Не могу же я наняться на фабрику простым чернорабочим!

Элис была вполне с ним согласна. Представить Грема, такого модного, с такими изысканными манерами, среди ужасных, грубых, неотесанных людей, было невозможно. К тому же, он уже не мальчишка, а работа на фабрике предполагала тяжелый физический труд.

Она брала его голову и сочувственно прижимала к груди, утешая как ребенка.

– Успокойся, милый! У тебя все получится. Ты ведь ищешь работу не так давно. Нужно время, чтобы найти хорошее место. А я... я готова ждать, сколько потребуется. Во мне ты можешь не сомневаться.

Он вырывался из ее рук и раздраженно говорил:

– При чем тут это? Дело не в тебе. Просто у меня почти кончились деньги, вот и все. Мои запасы на исходе. А скоро первое число, и надо будет платить за комнату. И вообще... Мне даже не на что сводить тебя в кино и в заведение. Я оставил небольшую сумму, чтобы переехать в другой город. Может там мне повезет больше, даже не знаю... – он в волнении запуская руку в волосы, как делал всегда, когда волновался или нервничал. О переезде, якобы запланированном им в случае неудачи, он говорил с самого начала их знакомства, и каждый раз у Элис замирало сердце. Теперь, когда они собирались пожениться, она ждала, что он позовет ее с собой.

– А если все-таки придется уехать, – робко спрашивала она. – мы поедем вместе?

Грем отвечал так туманно, что невозможно было понять его намерения, а она боялась потребовать прямого ответа. Он, видимо, не считал ее своей невестой, и наверное, вполне мог уехать один. Такие разговоры тревожили Элис, заставляли холодеть от страха, и вызывали желание как-то привязать его к себе. Но как это сделать, она не знала. Единственное, что она могла – все время поддерживать его, чтобы он чувствовал, что всегда может на нее положиться. Но в глазах Грема моральная поддержка стоила мало. Когда Элис начинала утешать его, он почему-то всегда раздражался. Что толку от красивых слов? Чем пустословить, лучше бы потребовала денег у отца. Вот это была бы настоящая помощь! В такие минуты он становился холодным и отстраненным, и Элис понимала, что он дорожит ею не так уж сильно.

Решение пришло неожиданно. Оно не избавляло от проблем, но по крайней мере, давало небольшую отсрочку, и внесло в их отношения некоторую стабильность, и Элис удивлялась, как оно не пришло ей в голову раньше. Ведь это было так естественно! Они любят друг друга, собираются пожениться, почему же когда у нее есть деньги, он должен выкручиваться и нервничать? Все что имела она, должно принадлежать ему. Правда, своих денег у нее было немного, но отец каждую неделю выдавал ей небольшие суммы на хозяйство и никогда не спраши-

вал, как она тратит их. Расходы в ее прошлой жизни были столь невелики, что иногда у нее набегала довольно крупная сумма. Мистеру Барнхему это нравилось. Это означало, что как хозяйка – Элис весьма благоразумна. Теперь она тратила чуть больше, но все же экономно. «Так почему же, – думала Элис, – я должна стоять в стороне, когда Грем так трудно?»

Словом, она предложила ему деньги.

Грем бурно протестовал, и они едва не поссорились. Он считал, что такое предложение унижает его как мужчину, и отказал ей наотрез. Но Элис была терпелива, настойчива и долго убеждала его в своей правоте.

– А если бы я попала в трудное положение? – спрашивала она, считая этот вопрос своим главным аргументом. – Разве ты не помог бы мне? К тому же, мы скоро поженимся, и у нас все будет общее. Какая разница, когда мои деньги станут твоими, до или после свадьбы?

Грем не находил ответа. Он только говорил, что это неправильно, и твердо стоял на своем, до тех пор, пока домовладелица, миссис Фарли, не напомнила ему весьма сухим тоном, что уже третье число, а он все еще не заплатил за комнату.

Разговор состоялся в один из прелестных воскресных вечеров, когда Элис и Грем, веселые и довольные, возвращались в его комнату с пакетом горячих булочек. Они сильно продрогли и теперь жаждали выпить горячего чая и посидеть в тепле. Они уже собирались подняться на второй этаж, когда мисс Фарли внезапно преградила им путь.

– Мистер Стоккер, – сказала она, недовольно поджав губы. – Сегодня третье число, а вы все еще не заплатили мне. А ведь я, помнится, предупредила вас, что не люблю двух вещей: если мужчина водит сюда посторонних девушек, и задерживает квартирную плату. На первое я закрыла глаза, – она выразительно посмотрела на Элис. – Но задержки с деньгами я не потерплю, так и знайте.

Это была бойкая сорокапятилетняя вдовушка, весьма деловая и предприимчивая. Миссис Фарли терпеть не могла, когда не получала деньги, на которые рассчитывала. С постояльцами, которые доставляли ей хлопоты и не платили в срок, она расставалась без сожаления. Но Грем ей нравился. Она находила его привлекательным мужчиной, и если бы не присутствие Элис, говорила бы куда более любезно.

Эта девушка, красивая, молодая, с нежным румянцем на щеках, напоминала миссис Фарли, что она сама уже немолода и далеко не так соблазнительна. Она могла бы ходить по улице целый день, у нее все равно не появился бы такой чудесный румянец, лицо только пошло бы красными пятнами и кончик носа посинел бы от холода. Миссис Фарли одевалась дорого, украшала руки браслетами, тщательно следила за собой, и считала себя вполне привлекательной, но рядом с Элис чувствовала себя потасканной и увядшей. Это ее невероятно злило, она ревновала постояльца к этой девушке и ненавидела ее. Элис тоже смотрела на нее с вызовом, но не потому что была красивее и моложе. Об этом она не думала. А потому, что от миссис Фарли зависел комфорт ее жениха, и он вынужден был заискивающе улыбаться и источать обаяние. Обида за Грема заставила Элис решиться. Она открыла сумочку и протянула миссис Фарли несколько купюр.

– Вот, – сказала она, стараясь не смотреть домовладелице в глаза, чтобы не выдать своей неприязни. – Извините нас, пожалуйста. Это больше не повторится.

Миссис Фарли восприняла эти слова как вызов. «Я моложе и гораздо привлекательнее тебя. Тебе никогда не заинтересовать его. Он на тебя даже не смотрит, потому что рядом – я.» Она взяла деньги и нехотя освободила проход.

– Ну что ж... на первый раз, я вас прощаю. Я женщина сердечная, все знают про мою доброту. – сказала она им вслед. – Я только люблю, чтобы во всем был порядок. Вот и все.

Поднявшись к себе и закрыв за собой дверь, Элис и Грем переглянулись и прыснули со смеху.

– Должно быть, она влюблена в меня по уши. – тихо смеясь, сказал Грем.

– Похоже на то. – согласилась Элис. – А меня она терпеть не может.

Грем вдруг перестал смеяться и нежно заглянул ей в глаза.

– Ты меня сегодня выручила, детка. Если бы не ты, мне пришлось бы съехать.

– Ну, не думаю! Если бы ты поулыбался ей еще немного, она бы простила тебе долг.

– В следующий раз я так и сделаю, – он притянул ее к себе и поцеловал в душистую щеку.

– Ну уж нет! Лучше я буду оплачивать твоё жильё, так мне будет спокойнее. Я хочу, чтобы ты улыбался только мне.

С этого момента началась новая пора в их отношениях. Каждый вечер, перед тем как покинуть его, Элис оставляла Грему два фунта, а на следующей неделе без напоминаний разыскала миссис Фарли и отдала деньги за аренду. Миссис Фарли было глубоко плевать, кто именно платит ей, и она молча взяла деньги. «Наверное, он ужасно хорош в постели, если она готова платить за него из собственного кармана. – подумала вдова, разглядывая купюры на свет. – Какое падение нравов!»

Решение иметь общие деньги внесло в их отношения спокойствие и сблизило их. По крайней мере, Грем мог теперь спокойно искать работу, не особенно задумываясь о завтрашнем дне. Но такова была его натура что, как только финансовый вопрос становился чуть менее острым, Грем тут же забывал об экономии. Ему захотелось купить Элис ту самую модную шляпку, из-за которой они познакомились. Оказалось, что шляпка ей не идет, и они купили другую, почти в два раза дороже. Грем буквально силой заставил Элис купить ее. Потом ему понравился белый шелковый шарф, и после шляпки она уже не смогла отказать ему. Они покупали конфеты в красивых коробках, перевязанных ленточками, очень вкусные, но слишком дорогие. Бывало, когда они возвращались домой (Элис теперь называла его маленькую комнату домом), денег совсем не оставалось. Это беспокоило Элис, но не слишком. Просто Грем хочет произвести на нее впечатление. Когда они поженятся, она растолкует ему, что ни цветы, ни конфеты, ни шляпки никогда не имели для нее большого значения. Без всех этих мелочей она вполне может обойтись.

Но сейчас она ничего не могла сказать ему. Слишком непорядочно сначала давать ему деньги, а потом указывать как их тратить. Это могло оскорбить Грема. И она молчала, и всегда, когда он вводил ее в непредвиденные расходы, соображала, на чем могла бы сэкономить, чтобы продержаться до зарплаты или до тех пор, пока отец не даст ей деньги на хозяйство. Пару недель Элис удавалось выкручиваться. Но однажды, когда она подходила к лавке Уоллеса, где покупала продукты много лет, Элис заглянула в кошелек и обнаружила, что денег почти не осталось. Завтра следовало заплатить за комнату Грема и купить еду и для него. Немного поколебавшись, она сделала выбор в пользу возлюбленного и не стала тратить оставшиеся деньги, а попросила лавочника обождать с оплатой. Уоллес, знавший ее с детства, охотно пошел ей навстречу. В своем поступке Элис не видела ничего предосудительного. Главное – не задерживать оплату и вернуть долг вовремя.

Теперь она приходила домой почти ночью. Мистер Барнхем уже не ждал ее возвращения как прежде. Тревога, ссоры с дочерью и одиночество сделали свое дело: здоровье его становилось все хуже. И однажды, когда Грем довёл Элис до дома, навстречу им вышла миссис Фарнсворт, пожилая дама из дома напротив.

– Мисс Барнхем! Добрый вечер! – миссис Фарнсворт была еще весьма бодрой старушкой. – Как хорошо, что я вас увидела! Мне нужно сказать вам что-то важное. Вашему отцу сегодня стало плохо. Он, видно, выходил из дома и упал прямо на ступеньках. Слава Богу, что я в это время занималась своими розами и увидела его. Пришлось пригласить доктора. Сейчас ему уже лучше, не пугайтесь так.

Элис охнула и посмотрела на Грема. Лицо его ничего не выражало. Он не был ошеломлен или напуган. Очевидно, обида на старика так и не прошла.

– Какой ужас! – воскликнула Элис. – Я немедленно побегу к нему.

– Не торопитесь. – остановила ее миссис Фарнсворт. – Я же говорю, теперь все в порядке. Вы, наверное, сейчас не слишком близки с вашим папой? Он сказал, что вы вернетесь поздно, но не сказал, где вас можно найти.

– Я... сейчас много работаю, – пролепетала Элис. Она была не готова к таким вопросам, а старушка настойчиво сверлила ее маленькими глазками в ожидании ответа. – В госпитале много раненых... приходится задерживаться до поздна...

– Понимаю, – соседка красноречиво посмотрела на Грема. Взгляд ее говорил, что она догадывается чем занята мисс Барнхем и почему возвращается так поздно. – Но мне кажется, вы уж простите что я вмешиваюсь не в свое дело, что вам сейчас надо оставить госпиталь и побольше уделять времени вашему отцу. Он очень нуждается в вас.

Элис вспыхнула и покраснела до самых корней. Ее никто никогда не упрекал в бездушии и черствости. Она нащупала в темноте ладонь Грема в мягкой кожаной перчатке и сжала ее в знак прощания, потому что миссис Фарнсворт все еще смотрела на них. Его рука не ответила на пожатие и не сжала руку девушки в ответ.

Элис поспешила к дому, открыла дверь ключом, и оглядываясь через плечо, проводила глазами удаляющуюся высокую фигуру в черном пальто и высокой шляпе.

В доме было темно, и только из комнаты отца пробивался тусклый свет. Скинув шляпку, пальто, Элис вошла в комнату, где не была так давно.

Старик лежал на диване, до самой груди укрытый клетчатым шерстяным пледом. Половина лица у него посинела, очевидно, он сильно ударился при падении. Элис никогда не видела его таким жалким. У нее защемило сердце, и она почувствовала себя бесконечно виноватой. Оглядев комнату, просторную, но обставленную до неприличия скупо, она подумала, что все это время была очень плохой дочерью. Кругом такая грязь, такая неухоженность! Выцветшие обои кое-где отставали от стен, на занавесях темнели пятна, а у одного окна занавески и вовсе не было. Конечно, он жил как хотел, но она должна была проявлять к нему больше интереса. Миссис Фарнсворт права – она бездушная, неблагодарная особа! На маленьком столике, покрытом изрядным слоем пыли, рядом с книгами по садоводству, которые выписывал отец, теперь лежали порошки, оставленные доктором.

– Папа! – позвала Элис, и он тут же открыл глаза и улыбнулся жалкой доброй улыбкой. Совсем как несколько минут назад Элис искала руку Грема, мистер Барнхем нашел ее руку и пожал ее. – Что с тобой, папа? Тебе плохо? Дать тебе воды?

– Нет, дочка. – голос у него был очень слабый. – Мне ничего не нужно. Я задремал ненадолго. Рад, что ты пришла. Мне сегодня было очень худо, и я боялся, что больше не увижу тебя...

– Как ты можешь говорить такое, папа? – укорила Элис, но тут же опустила глаза. Он посмотрел на нее с укором, как бы спрашивая, а что еще я могу сказать, если ты не бываешь дома? – Я ведь всегда возвращаюсь, ты же знаешь!

– Знаю, только мы теперь почти не разговариваем с тобой. Наверное, в этом есть и моя вина. Ты теперь стала совсем чужой. – он ласково провел рукой по нежной щеке девушки. – До чего же ты красивая, детка!

Старик никогда не говорил с ней так нежно. Элис сразу забыла все неприятности, которые он ей доставил и все грубые слова, что он наговорил. Она была доброй девушкой, и жестокость была ей не свойственна. Элис поцеловала отца и на минуту, только на минуту, забыла о Греме. Они пили чай в его кабинете и вспоминали прежние дни, когда она была совсем девочкой, а он – молод и здоров. Элис проследила, чтобы он принял все лекарства, прописанные доктором и заботливо уложила его в постель. Она уже собиралась пойти к себе, когда мистер Барнхем неожиданно окликнул ее.

– Присядь на минутку. – он показал ей на место рядом с собой. – Я хочу сказать тебе кое-что. Не бойся, я не скажу ничего неприятного.

Элис нехотя повиновалась. Отец снова взял ее за руку и погладил нежные пальцы.

– Мы с тобой не ладили в последнее время, дочка. Я тут подумал... Ты уже совсем взрослая девушка... женщина. Можешь жить так, как считаешь нужным. Я больше не скажу тебе ничего грубого, и не стану тебя осуждать.

Элис радостно улыбнулась и хотела кинуться ему на шею, но он жестом остановил ее, давая понять, что не закончил.

– Об одном я прошу тебя! Я хочу, я настаиваю, чтобы этот человек не приходил в наш дом. Я ничего не хочу о нем знать, и я также не дам тебе деньги, которые тебе причитаются. Во всяком случае, пока. Я просто не могу пойти на это, пойми. Если со временем ты не разочаруешься и будешь по-прежнему настаивать на браке с ним, тогда...

Элис разочарованно вздохнула. В сущности, эта уступка со стороны отца ничего не меняла. Она лишь означала, что он не станет больше нападать на нее и грубить ей. А этого было недостаточно. Грем настаивал, чтобы она потребовала свои деньги, а она никак не могла решиться, тем более теперь, когда отец болен и жалок. Старик сказал «со временем», но кто знает, что он имел в виду? Неделю, месяц, год?... За это время Грем может уехать и оставить ее одну. И все-таки было приятно, что исчезла враждебность между ней и отцом, которая так мучила ее в последнее время. Отец был сегодня таким ласковым, таким милым!

Идиллии суждено было продлиться ровно до той поры, пока мистер Барнхем не узнал, что Элис одолжалась. Он узнал об этом случайно, от той же миссис Фарнсворт, которая проболталась без всякого злого умысла и, если бы знала, что из-за этого выйдут неприятности, то ни за что не обронила бы в разговоре эту фразу, что времена сейчас тяжелые, всем приходится быть экономными, вот и Элис, она видела, брала продукты в долг.

– Наверное, вы тоже сейчас на мели... – Старик смотрел на нее во все глаза, и лицо его выражало крайнюю степень изумления, поэтому она поняла, что он попросту не в курсе.

Поняв, что сболтнула лишнее, старушка попыталась перевести разговор на другую тему, но мистер Барнхем перебил ее и спросил:

– Что вы такое говорите, миссис Фарнсворт? Элис брала продукты в долг?

– Право, я не знаю, – залепетала пожилая дама, досадуя на свой длинный язык. – Может, я что-то напутала... Наверное, я неправильно поняла...

По ее бегающим глазам и несвязной речи, он понял, что она лжет, поспешил отделаться от нее и, так как был только в теплом вязаном жилете и шарфе, обмотанном вокруг шеи, (он выходил за газетами) вернулся в дом. Он в раздумье постоял в прихожей, потом поспешно надел клетчатое заношенное пальто, нацепил на голову котелок и вышел на улицу.

Мистер Барнхем пришел в лавку к Уоллесу и отозвал его для разговора. Лавочник всегда с большим почтением относившийся к мистеру Барнхему и его дочери, немедленно вышел к нему. Мистер Барнхем знал Уоллеса прыщавым мальчишкой, помогавшим в лавке покойному отцу. Теперь Уоллес, сорокалетний верзила, обрюзгший, с пробивающейся седой и отвисшим брюшком, сам пробирал за нерасторопность двух сыновей, но в его отношении к мистеру Барнхему осталась та же мальчишеская почтительность, что и много лет назад. Он держался очень предупредительно и любезно, и когда мистер Барнхем вызвал его на два слова, подошел к нему и устоял на него в почтительном ожидании. Уоллес сразу подтвердил, что мисс Элис одолжалась.

– Не о чем тут говорить. – сказал лавочник. – Она делала это всего несколько раз и всегда возвращала долг. Уж такие теперь времена...

– Как? Разве она делала это не один раз? – мистер Барнхем был возмущен и подавлен.

– Два или три раза, не больше. В последний раз – в пятницу. Обещала заплатить в понедельник. Уоллес немного встревожился, не понимая, что именно рассердило старика.

Мистер Барнхем попросил назвать сумму долга. Уоллес назвал. Старик покопался в истертом портмоне и достал несколько смятых бумажек. Но лавочник предостерегающе выставил огромную руку.

– Нет, нет, мистер Барнхем! Не стоит. Уж лучше я одожду до понедельника. Раз мисс Элис обещала...

Но старик бросил на него такой взгляд, что у Уоллеса сразу пропала охота спорить.

– Вот что, старина. – сухо сказал мистер Барнхем и горделиво вздернул подбородок. – Я человек небогатый, но не настолько, чтобы жить в долг... – не считая нужным что-либо объяснять, он насильно вложил деньги в руку Уоллеса и гордо удалился.

Он шел домой в шляпе, надвинутой по самые брови, и глотал злые слезы. Он буквально кипел от обиды. Брать в долг он считал самым последним делом. Так поступают только опустившиеся, никчемные люди, жалкие, достойные презрения. Он видел их много раз в лавке того же Уоллеса. Лавочник кричал на них и требовал расплатиться по старым долгам. И эти люди терпеливо выслушивали его оскорбления и униженно ожидали подачку. Мистер Барнхем всегда смотрел на них с отвращением и вот теперь... Он жил скромно, но исключительно по собственному желанию, а не потому, что был беден. Он вернулся домой, и не раздеваясь и не снимая шляпы, уселся в кресло и стал ждать возвращения дочери. Мысли его неслись одна за другой. Понятно, почему она это сделала. Этот негодяй тянет из нее деньги. Получается ровно то, что он и предполагал. Теперь уже и он, Барнхем, оплачивает его прихоти. Ведь у Элис попросту не оказалось денег на хозяйство, потому что она потратила их на это ничтожество. А чтобы не признаваться ему, своему отцу, попросила Уоллеса об отсрочке. Теперь все будут говорить, что мистер Барнхем живет в долг! И это его девочка, всегда такая честная, такая открытая, которая никогда ничего не скрывала! Господи, что творится у нее в голове?

Вернувшись домой и не подозревая, что тучи уже сгустились у нее над головой, Элис прошла в комнату отца и чмокнула его в щеку. Несколько дней она радовалась, что между ними воцарился мир, и была неприятно удивлена теперь, что отец не смотрит на нее, а глядит в сторону, и взгляд у него холодный и высокомерный, и губы презрительно поджаты.

– Что с тобой? Тебе нехорошо? – она склонилась над ним, всматриваясь в его лицо. От нее пахло морозной свежестью и едва ощутимо мужским одеколоном. Старик уловил этот запах и почувствовал, как в нем закипает раздражение.

– Я был сегодня в лавке Уоллеса. – медленно сказал мистер Барнхем и наконец взглянул ей в глаза. В том, что она станет лгать, он не сомневался. Но что тут можно сказать? Как оправдаться?

– О! – Элис в растерянности села на маленький диван, покрытый клетчатым пледом.

– Почему же ты скрыла от меня, что тебе не хватает денег и обратилась за помощью к постороннему человеку?

– Видишь ли, папа, я ничего не сказала, потому что ты всегда не одобрял такие вещи. Хотя знаешь, в этом ведь нет ничего особенного... Все люди иногда берут в долг или занимают деньги. Только ты один считаешь это чем-то предосудительным. Вот странно! – она попыталась перейти в наступление. Голос ее зазвучал тверже и убедительнее. – Ну скажи, пожалуйста, зачем ты драматизируешь? Для чего ты пошел в лавку? Я бы отдала долг в понедельник, как и обещала. Если хочешь знать, так многие делают. И миссис Фарнсворт, и миссис Бизли, и мисс Пейс. Только ты один видишь в этом трагедию!

– Хорошо, допустим. Оставим это пока. – голос старика дрожал от злости, руки беспокойно шарили по коленям. – Но, скажи на милость, почему это случилось?

– Почему?

– Вот именно. Почему тебе пришлось одалживаться?

Напускная уверенность разом слетела с Элис

– Я... я издержала в этом месяце немного больше денег, чем обычно...

– Куда же ты потратила их?

– Папа! – Элис вскочила с дивана с наигранным возмущением. – Ну что за вопросы? Потратила и все. Я уже не помню куда! И пожалуйста, перестань меня допрашивать! Мне двадцать три года, неужели у меня не может быть собственных потребностей? Вот не думала, что должна отчитываться за каждый фунт!

– Ты не отчитывалась, потому что я доверял тебе. Но теперь... – он решительно поднялся с кресла. Элис смотрела на него с испугом. Что он еще выдумает? В позе старика было что-то величественное. Он посмотрел на дочь с презрением и сказал:

– Я говорил тебе, что ты уже взрослая женщина и вольна жить так как тебе хочется. С этим я готов смириться. Но я также просил тебя, что бы этот человек не вторгся в мою жизнь. Теперь, благодаря тебе, я содержу его на свой счет. Этого не будет. Я не стану больше оставлять тебе деньги. Я сам буду заниматься нашим домом. Тем более, что от тебя все равно мало толку, ты ведь теперь почти не живешь здесь.

– Папа! – ей хотелось удержать его. Ну почему он такой упрямый и гордый? Если бы он сделал над собой усилие и попытался понять ее!

Услышав ее окрик, он немедленно обернулся, и лицо его смягчилось. И когда он заговорил, голос его звучал тепло и ласково.

– Дочка! Говорю тебе в последний раз, оставь это. Брось этого... человека. – он хотел сказать «негодяя», но сдержался. – Давай будем жить как прежде, доверяя друг другу. Если ты вернешься домой, обещаю, что ни разу не попрекну тебя. Я буду более внимательным к тебе, буду давать больше денег. Хочешь съездить куда-нибудь? Ради бога. Я, конечно, держал тебя в ежовых рукавицах и был с тобой не слишком ласков. Но я исправлюсь, обещаю. Только брось его. Он погубит тебя, неужели ты не понимаешь?

Он помолчал, надеясь, что его слова передадут его страх и беспокойство. Он никогда с ней так не говорил. Элис ужасно хотелось ответить ему согласием, но не потому, что она готова была согласиться, а из благодарности за его слова и обещания. Но согласиться – значило лгать ему в последствии, потому что она не могла выполнить его просьбу. Вся ее жизнь была сосредоточена теперь там, где был Грем. Разве она могла объяснить ему, что когда Грем прижимает ее к себе, ее обдает жаркой волной и на нее накатывает сладкая истома? Разве он мог понять, что лицо этого человека, его запах кажется ей таким родным, словно она знала его всю жизнь, и при мысли о том, что он может уехать, ее охватывает паника и черная тоска наполняет душу. Попросить ее перестать встречаться с Гремом, это все равно, что попросить ее перестать дышать. Элис любила отца, но отказаться для него от счастья, радости молодой жизни – слишком большая жертва.

Она отрицательно покачала головой и опустила голову.

– Ну что ж, – старик пожал плечами. Теперь он выглядел усталым, и на лице была печать безнадежности. – В таком случае, считай, что отныне мы – чужие люди. Ты можешь жить в этом доме, поскольку это и твой дом тоже. Но с этого дня мы будем каждый сам по себе. Если ты намерена оплачивать прихоти этого ничтожества – дело твое. Но я – нет.

И он гордо удалился.

Элис осталась стоять в его комнате, не зная что предпринять. Догнать его и помириться? Это было бесполезно. Как бесполезным оказалось их кратковременное перемирие. Ее жизнь изменилась, а он не хотел с этим смириться. Пойти ему на уступки – означало для нее жить по-старому, а с этим не могла смириться она. Но без помощи отца ей будет совсем тяжело. В госпитале платили ничтожно мало, а Грем не умел себя сдерживать и тратил деньги очень неосмотрительно. Им по-прежнему не на что устроить свадьбу и обвенчаться, негде да и не на что жить...

Что же теперь делать?

Все это Элис сказала Грему. Разговор с отцом она передала в самых общих чертах, боясь обидеть его. Она сидела на краешке постели и с волнением следила, как Грем рассказывает по комнате, запустив руки в карманы и изредка бросая на нее хмурые взгляды.

Отец не хочет, чтобы она выходила замуж. И он не только не поможет им, но и перестанет давать ей деньги на домашнее хозяйство.

Лицо Грема становилось мрачнее с каждой минутой. Когда Элис замолчала, он высокомерно усмехнулся и сказал с досадой:

– Ну до чего несносный старик! – и тут же бросил на нее быстрый взгляд, не оскорбилась ли она? Элис промолчала. – Есть же такие люди, которые так и норовят помешать чужому счастью! Как кому-то хорошо – так им прямо неймется! Ну признавайся, Элис. – он подошел к ней вплотную и посмотрел на нее сверху вниз, презрительно улыбаясь. – Небось, папаша крыл меня на все лады?

– Ну что ты! – Элис посмотрела на него с укором.

– Ладно, ладно! Могу себе представить... – он задумчиво потер подбородок. – Впрочем, мне плевать! Пусть думает, что хочет. Мне, знаешь ли, тоже сейчас неудобно жениться. Если бы я не встретил тебя, то давно бы уехал в Сасекс. Собственно, ты знаешь, я так и думал поступить. Я списался с одним приятелем, весьма предприимчивым молодым человеком. Так вот, он бы помог мне устроиться там. Но теперь, когда мы вместе... Даже не знаю... Так что пусть твой папаша не считает, что я ищу выгоды. Я, знаешь ли, во всем привык полагаться только на себя.

Когда он говорил о своих планах, Элис, на деньги которой он жил в последнее время, испытывала острое чувство вины и считала себя чуть ли не обузой. Ей было неловко, что ее отец отказался им помочь, и что ее работа приносит мало денег. А когда Грем неразумно их тратил, она чувствовала себя слишком рассудительной, слишком практичной. Из-за того, что она никак не могла заговорить с отцом о деньгах, Грем стал разговаривать с ней иногда немного враждебно. Это было всего несколько раз, и он не говорил ей грубостей, но в эти минуты, она понимала, что в его отношении к ней уже нет прежнего восторга и преклонения, которыми он был полон еще несколько недель назад. Это ее немного беспокоило, но не слишком. Все когда-нибудь проходит, и эти романтические отношения тоже. Зато теперь они стали ближе друг другу и лучше друг друга узнают. Элис теперь видела, что у Грема тоже есть недостатки, что он бывает раздражителен, вспыльчив. Но это не делало его хуже в глазах Элис, а лишь усиливало ее любовь. Вот и сейчас, когда он говорил так раздраженно, она не сердилась на него. Он был зол и оскорблен, главным образом потому, что его подозревали в корысти. Как ни была она деликатна, Грем понял, что мистер Барнхем считает его пронырой. Старика здесь не было, поэтому он напал на Элис.

– Я не собираюсь жить на его деньги. Можешь так и передать ему, если хочешь. Мне чужого не надо. Я сам о себе позабочусь, так и знай!

Он еще долго рассказывал по комнате, заложив руки за спину и гневно распиная отца своей невесты. А Элис искала слова утешения и виновато улыбалась.

Все так запуталось, что она плохо спала и стала немного замкнутой и мрачной. Это заметили, все, кто ее знал, и даже лейтенант Кросли, который пошел на поправку и теперь часто беседовал с ней, если им доводилось побыть наедине. Лейтенант выглядел почти здоровым и ждал, когда его отправят домой. За последние дни – это была единственная приятная новость в жизни Элис. Лейтенант сразу заметил, что ее что-то угнетает и спросил ее как-то:

– Почему вы такая грустная, Элис? Чем вы так озабочены? – в его голосе было столько тепла и тревоги, что она поняла: он задает эти вопросы не из праздного любопытства.

– Так... – Элис пожалала плечами. Она, конечно, не собиралась с ним откровенничать, но его забота тронула ее. – Всякие неприятности...

– Могу я помочь вам? – Элис посмотрела на него испуганно и покачала головой. Она подумала, что таким образом он пытается сблизиться с ней, но посмотрев в его чистые, ясные

глаза, поняла, что в его предложении нет ничего предосудительного, что он заботится о ней скорее как друг. Она не посвятила его в свои проблемы, но не могла не оценить его доброты.

Элис рассказала Грему о своем любимом пациенте. Грем выслушал ее внимательно и сочувственно покачал головой.

– Бедный парень! Сколько же ему лет?

– Около тридцати

– Жаль беднягу. Ему трудно будет найти работу.

– Ну в этом смысле, жизнь оказалась к нему более благосклонна. Он сын состоятельного человека. Его семья проживает в Портсмуте, на Риджентс-роуд.

– Вот оно что! Когда-то я жил в этом городе. Это улица для богатеньких!

– Не думаю, что его отец уж очень богатый человек. – немного подумав сказала Элис. – Но состоятельный – это точно. Но все равно мне ужасно жалко Джона. Он такой добрый! И настоящий герой.

– Вот как? – Грег вдруг стал говорить о лейтенанте враждебно. – Чего ради ты так сочувствуешь ему, скажи пожалуйста? Что с того, что он остался без ноги, ведь ему не нужно искать работу. Какая разница как бездельничать, с одной ногой или с двумя?

– Какую ерунду ты говоришь! – возмутилась Элис. – По-твоему, я должна проявлять сочувствие только к бедным людям?

– Ты должна думать о таких как мы, а не о тех, кому и так неплохо живется! Я-то думал, это несчастный горемыка, рядовой или сержант какой-нибудь. Остался калекой и будет жить на жалкую пенсию. А ты говоришь о сыночке богатого папаши. Лежи себе дома и в ус не дуй!

– Как тебе не стыдно, Грем? Какая разница сколько у него денег, если он теперь инвалид? Не думала, что ты можешь говорить такие ужасные вещи. И потом, он герой войны и заслуживает сочувствия хотя бы поэтому. – Элис разгорячилась и стала одеваться. Грем увидел это и догнал ее у самой двери.

– Вот значит как! Готова поссориться со мной из-за этого маменькиного сынка? Ну что ж, понятно! – голос у него был ужасно злой. – Видно ты поумней меня оказалась. А может быть он уже вовсе ухлестывает за тобой? – Чтобы она дослушала до конца, Грем крепко держал ее за руку, которую она вырвала как только смогла.

– Оставь меня в покое!

– Я тебя не держу, милая. Вижу, тебе со мной уже не очень интересно.

Элис сверкнула на него глазами и громко хлопнула дверью.

Они помирились в тот же вечер.

Элис побродила немного по городу, а потом вернулась в комнату Грема. Он тоже не находил себе места и ждал ее на лестнице. Вид у него был ужасно несчастный. Они обнялись и стали просить друг у друга прощения. Грем сказал, что вел себя как идиот. Чего ради он напал на этого беднягу? Он просто стал нервным из-за этой чертовой работы.

А Элис сказала, нежно целуя его в губы, что глупо ссориться со своим женихом из-за постороннего мужчины. Это кого угодно выведет из себя!

– Давай больше никогда не будем о нем говорить. – предложила она.

– Ну уж нет! – Грем был сама любезность. – Теперь я нарочно буду каждый день справляться о его здоровье.

Элис сидела у него на коленях и думала: «До чего же хорошо, когда ты влюблена! Даже ссоры с любимым приятны! Можно потом просить прощения друг и друга. И Грем выглядит таким раскаявшимся, таким милым.»

Ее обрадовало, что он по-настоящему испугался, что может потерять ее. Какой же он глупый, не смотря на свои сорок лет! Разве она могла бы бросить его из-за такой ерунды?

Чтобы показать, что он исправился, Грем, хотя и не каждый день, но все-таки спрашивал о лейтенанте Кросли. И хотя в его вопросах частенько звучала ирония: «Ну, как дела у нашего

подопечного? Все еще кормишь его кашками?», Элис понимала, что так он скрывает свое смущение. Она отвечала, что лейтенант Кросли медленно, но верно идет на поправку и скоро отправится домой.

Элис не сказала Грему, что теперь в присутствии лейтенанта чувствовала себя немного неловко. Она видела, что Кросли безумно влюблен в нее, и что прежние дружеские отношения больше невозможны. Его по-прежнему никто не навещал и не писал ему писем. Она застала его однажды в тот момент, когда он сам писал письмо, и спросила деликатно:

– Простите, Джон, но почему вы никогда не отправляете этих писем?

– Вы заметили? – он засмеялся. У него был такой хороший, мальчишеский смех. Гладко выбритый, в чистом белье, он казался почти здоровым молодым человеком, если бы не пустота под простыней, там где должна быть правая нога.

– Все думают, что я только и делаю, что строчу письма родственникам. А вы заметили, что я не отправил ни одного. Вы такая внимательная.

– А почему же вы не отправляете их? – Элис сидела на краешке его кровати. Она уже отработала свою смену и собиралась уходить, но решила проведать лейтенанта.

Кросли вздохнул.

– Никак не могу найти подходящих слов для матери. Все хочу написать так, чтобы не слишком расстраивать ее. Но, как не пытаюсь, новости получаются для нее слишком ужасные. Я, видите ли, единственный сын у моих родителей. То, что со мной произошло, будет для них тяжелым ударом. Отец – человек сдержанный, он примет все как мужчина, а мама... – у него чуть дрогнул голос. Видно было, что он очень трепетно относится к матери.

– Что же, они не знают, что вы здесь?

– Нет. Они ничего не знают. Может быть даже думают, что меня нет в живых.

– Какие вы мужчины бываете бессердечные! – воскликнула Элис.

Она была взволнована. Ей стало безумно жаль эту милую, наверняка уже немолодую женщину, которая жила в неведении и, наверное, каждый день молила бога послать ей весточку о единственном сыне.

– Вы просто бесчувственный эгоист! Самая радостная новость для матери – новость, что ее сын жив!

– Знаю, знаю! – он снова вздохнул. – Просто не могу найти подходящих слов.

– Вы могли бы сперва написать свой девушке или невесте, она бы нашла нужные слова и сообщила все вашим родным.

Джон снова рассмеялся.

– У меня нет девушки и нет невесты. Я был самовлюбленным болваном. Я думал, что приду с фронта героем в орденах, закаленным в боях мужчиной. Все девушки будут моими. Я немного присмотрюсь, а потом выберу самую красивую. Вот как я думал. И, конечно, все получилось совсем не так. Впрочем, – он вдруг стал серьезным. – я ни о чем не жалею. Если бы я не попал сюда, я бы не встретил вас...

И он посмотрел на Элис таким глубоким, исполненным обожания взглядом, что она поспешила встать и, сославшись на усталость, удалиться.

Элис много раз слышала признания и объяснения в любви и относилась к ним с улыбкой. Видя красивую девушку, мужчины теряют голову и болтают разные глупости. Они и сами понимали, что это только флирт и не больше. Но лейтенант был не таким. Элис видела, что он всерьез влюбился. Впрочем, он почти никогда не давал ей понять, что влюблен. Только сегодня, когда сказал, что ни о чем не жалеет и еще один раз, когда попросил у нее фотографическую карточку на память.

– Хоть самую маленькую, мисс Барнхем! Я бы сохранил ее на всю жизнь. Я... буду смотреть на нее, когда мне будет особенно тяжело.

– Не знаю, – с сомнением ответила Элис. – У меня есть один снимок. Я сделала его года два назад. Я там совсем еще девчонка. Если вас устроит... Я принесу ее завтра, если хотите.

Он был очень деликатный, никогда не переходил границ, но его взгляды, его смущение, его трепет смущали ее. Она решила, что сделает для него последнее доброе дело и станет избегать его.

Элис написала письмо его матери. Узнала по документам адрес его родителей и написала письмо, деликатное, но прямое. Через несколько дней пришел ответ. Письмо было написано твердой мужской рукой.

«Дорогая мисс Барнхем! Мы с женой прочитали ваше письмо и долго плакали, так как уже отчаялись увидеть сына живым. Вы вернули нам надежду. Моя жена хотела ответить вам сама, но она так взволнована, что вряд ли сможет это сделать сейчас. Поэтому вам пишу я...»

Это было в высшей степени трогательное письмо! Мистер Кросли писал, что сам в прошлом военный врач и хорошо представляет, что пришлось пережить его сыну из-за этого ранения... Он не понимает, почему его сын не сообщил им о себе. Они могли бы помочь ему и облегчить его страдания.

Через три дня мистер Кросли и его супруга уже были в госпитале. И Элис сразу узнала их. Они никак не могли найти палату своего сына и обращались ко всем, кто проходил мимо. Элис подошла к ним, вежливо поздоровалась и сказала:

– Я Элис Барнхем, сэр. Это я написала вам письмо про вашего сына Джона. Я проведу вас к нему.

Они стали жать ей руки и благодарить ее. Но у дверей в палату, нервы миссис Кросли сдали, и она принялась плакать.

– Успокойся, Эмма, – сказал мистер Кросли. – Возьми себя в руки. Ты ведь не станешь мучить его слезами. Ему и так тяжело.

– Хорошо, Чарльз, – ответила его супруга, вытирая глаза белым кружевным платочком. – Ты, конечно, прав, как всегда. Я ни слезинки не пророню, вот увидишь.

Элис проводила их в палату где лежало еще человек двадцать раненых. Кровать лейтенанта стояла последней у самой стены. Миссис Кросли вошла бодро улыбаясь, нетерпеливо обвела глазами помещение, но увидев сына, не совладала с собой и покачнулась. Муж поддержал ее за локоть и сказал ей что-то резкое. Она улыбнулась и направилась к кровати сына.

– Джон! Милый! Как я рада тебя видеть!...

Сидя в полутемной комнате и держа Грема за руку, Элис рассказала, каким трогательным было прощание. Даже доктор Келли вышел на воздух, чтобы проводить лейтенанта Кросли, хотя всегда был ужасно занят. Все пожелали Джону счастья и здоровья и всего наилучшего. Она сочла за благо не рассказывать Грему, что лейтенант, в шинели, на костылях, уже пытается передвигаться самостоятельно, выглядел очень грустным и все время искал ее взгляда, а потом достал из нагрудного кармана ее фотографию, нежно поцеловал изображение и бережно положил обратно. Больше он не смотрел на нее и ничего не сказал ей...

– Знаешь, все было так трогательно. Я чуть не расплакалась. Только миссис Кросли все немного испортила. Она вдруг отозвала меня в сторонку и стала совать мне деньги, и кажется искренне огорчилась, когда я отказалась их взять. Я слышала, как ее отчитал мистер Кросли. Он сказал, что у нее ужасная привычка мерить все деньгами или что-то в этом роде. «Я тебе говорил, что она порядочная девушка и денег не возьмет.» А миссис Кросли ответила, что хотела как лучше и видно, что деньги мне не помешают. Они так громко препирались, что мне стало неловко. Как ты думаешь, что она имела в виду, когда говорила, что деньги мне не помешают?

– погоди, – перебил ее Грем, слушавший ее в пол-уха, до того момента, пока речь не зашла о деньгах. – Ты отказалась принять вознаграждение?

– Ну конечно, милый, я...

– Подожди, – снова перебил он. – Я, наверное, плохо тебя понимаю. Тебе предложили деньги, а ты отказалась?

– Ну да, – испуганно подтвердила Элис, вдруг почувствовав, что сейчас разыграется одна из тех неприятных сцен, которые так часто происходили между ними в последнее время. Грем стал очень нервным. «Если бы не твой упрямый папаша – мы бы уже были женаты. Что тебе стоило чуточку поднажать на него? Деньги-то – твои!». Своих денег у него не было, и они расходовали все, что зарабатывала Элис. Оплачивали комнату и стол. Чтобы найти приличную работу надо было хорошо одеться и, они с Гремом кое-что купили для его гардероба. Ничего особенного, но почти двенадцать фунтов улетели в одно мгновение. Грем попытался устроиться в редакцию местной газеты на должность курьера. Конкуренцию ему составил мужчина примерно тех же лет, так же безуспешно искавший работу. Обоим отказали, объяснив, что для курьера нужен кто-нибудь помоложе и порасторопнее. Оба расстроились, и познакомившись покороче, отправились в бар, чтобы отметить свою неудачу. Пришлось потратить остатки накоплений. Грему было неловко перед Элис, и он предпочел не говорить об этом. А когда она сказала с укоризной:

– О! Грем! – вдруг взорвался и стал кричать, что он не мальчишка, чтобы его отчитывали за каждый шиллинг. Конечно, он потом извинился, как делал всегда, но поводов для извинений становилось так много, что она уже не слушала их. В целом, это был ее прежним Грем. Просто он переживал нелегкие времена, и она старалась относиться к нему с пониманием. Он переживает не из-за работы или не из-за денег. Ему хочется поскорее пожениться, вот и все. Но оправдывая его в душе, Элис стала побаиваться разговаривать с ним на разные темы, потому что многие из них были для него болезненны или сердили его. Вот и теперь, услышав, что Элис отказалась от денег, он вскочил со стула и в гневе уставился на нее:

– Господи, какая же ты дура, Элис! Даже не представляю, что ты скажешь в свое оправдание.

– С какой стати я должна оправдываться? – возмутилась Элис.

– Как ты могла так поступить? Ты же знаешь, какое тяжелое у нас положение! Чем тебе помешали эти деньги, скажи пожалуйста? Разве ты не ухаживала за этим лейтенантом, разве не тратила на него время? Что плохого в том, чтобы взять их? Теперь я вижу, что помощи от тебя ни на грош. Даже не знаю, смогу ли я рассчитывать на тебя в будущем. В то время, как я целыми днями рыскаю в поисках работы, ты отказываешься от денег, которые сами в руки плывут. Наверное, ты совсем не думала обо мне, а только думала, как бы произвести впечатление на лейтенанта и его мамашу. Что ж, поздравляю, они наверняка в восторге от тебя. Только я, я – не в восторге.

Он так кричал, и его лицо исказилось от злости!

– Что ты сделала для нас с тобой? Скажи, что? Ты только умеешь обниматься да ластиться, как кошка. Отец твой денег нам не дал, а когда я попросил тебя уговорить его, ты отказалась. Денежное вознаграждение взять ты тоже отказалась. Ты такая благородная и такая щепетильная! Только ты, пожалуйста, помни, что вот такие и остаются старыми девами.

Подавленная его аргументами, хотя и несправедливыми, но весьма убедительными, Элис молчала, опустив голову. Она надеялась, что дав выход гневу и досаде, Грем опомнится и смягчится. Но он стоял у окна и даже не смотрел в ее сторону.

– Лучше тебе пойти домой, Элис. Сегодня я не хочу тебя видеть. – сказал он уже спокойным голосом, а потом повернулся и добавил: – И не знаю, захочу ли еще.

Она пошла к двери с опущенными плечами как провинившаяся школьница, все еще надеясь, что он остановит ее. Но выходя из комнаты, оглянулась. Грем продолжал стоять у окна, и свет уличного фонаря освещал его гордый, точеный профиль.

На улице Элис разрыдалась. Ей было очень обидно и страшно. Как он был несправедлив к ней сегодня! Ведь она работает, и он живет на ее деньги, а говорит, что она ничего не делает.

Она могла бы возразить, но тогда бы он ужасно обиделся, и наверное, они расстались бы навсегда. Правда, у нее и теперь не было уверенности, что они будут вместе. Но она уже знала Грема, его характер, его вспыльчивость. Лучше ничего не отвечать ему, когда он сердится. Даже если он тысячу раз неправ. Потом ему станет стыдно за каждое слово, сказанное с горяча, и он пожалует. Он уже жалеет. Наверняка.

Элис тряслась в холодном трамвае, и ее хорошенькое личико выражало отчаяние.

Что если он не простит ее (в душе она уже признавала себя виноватой), и они расстанутся? Не из-за денег, конечно, а из-за того, что все так неудачно складывается для них. Ведь говорят, что любовь может не выдержать испытаний? В себе-то она уверена, а вот он, пожалуй, любит ее не так сильно.

Она подумала о деньгах, из-за которых они поссорились. Может он прав, и она ведет слишком уж по-детски? Если отец из старческого каприза лишил ее денег, может следует быть по-настоятивее? Ведь от этих ста фунтов зависит ее жизнь! А деньги, что предлагала миссис Кросли? Может быть, Грем прав, и следовало их взять? Все люди относятся к таким вещам по-разному. Вот мистер Кросли считает, что порядочная девушка не должна брать этих денег, а миссис Кросли думает совершенно иначе. Конечно, ей было бы ужасно стыдно потом взглянуть в глаза Джону, но ведь она его больше не увидит, какая разница, что он о ней подумает?

Прохожие с удивлением смотрели на хорошенькую брюнетку в слезах, бредущую по улице и время от времени вытиравшую слезы рукавом синего поношенного пальто.

По дороге домой, она думала, что нужно поговорить с отцом и решительно потребовать свои деньги. Грем считал, что надо немного припугнуть старика, чтобы он был по-сговорчивее! И сейчас ей казалось, что он совершенно прав. Как она могла оставаться почтительной дочерью, если отец не проявляет элементарного понимания! Сто фунтов! Это могло бы решить все ее проблемы и открыть дорогу в новый счастливый мир. Если теперь она проявит непочтительность и даже жестокость, то только потому, что отец сам не оставил ей выбора.

Но дома ее решительность испарилась. Элис застала отца в гостиной, где он в одиночестве пил чай. Элис смотрела на него, и сердце ее сжималось от тоски. Он выглядел таким старым, и когда он подносил к губам чашку с чаем, рука его мелко дрожала. «Я не смогу угрожать ему, нет.» – подумала Элис, и эта мысль огорчила ее. Грем требует от нее невозможного, чего-то ей несвойственного, а значит, они разные люди, и ей надо хорошенько подумать об их совместном будущем.

Ночью она не спала, но к утру от благоразумных мыслей не осталось следа, и она думала только о том, что хочет видеть Грема. Элис не представляла, что может прожить целый день, не изгладив этой ссоры. Она отправилась в западный район, в дом миссис Фарли. Поднявшись на второй этаж маленького особнячка, в котором Грем снимал комнату, Элис постучала в дверь.

Ответом была тишина.

Грем не ночевал дома!

Встревожившись не на шутку, она решила, что опоздает в госпиталь, но дождется его возвращения. Мимо нее несколько раз прошла квартирная хозяйка миссис Фарли. Элис вежливо поздоровалась с ней, но в ответ получила лишь саркастическую, довольную улыбку. Миссис Фарли ее терпеть не могла. Она считала Элис и Грема любовниками и решила, что они расстались. Чем же еще, спрашивается, можно объяснить такое убитое лицо у этой смазливой дурехи? Разумеется, он бросил ее. Мысль, что даже таких красивых, молоденьких девушек могут сделать несчастными, грела домовладелице душу. Что до самого Грема, то она еще при первой встрече распознала в нем похотливого жеребца! Когда взгляды их встретились, они поняли друг друга без слов. Поэтому, однажды днем, когда она пришла спросить не нужно ли ему чего-нибудь, и когда, посмотрев на нее весьма красноречиво, он молча потащил ее к кровати, на которой она каждую неделю меняла белье, миссис Фарли не стала сопротивляться.

Получив друг от друга то, что им было нужно, они так же молча, разошлись по своим делам. То, что он не сказал ей ни слова, пока она корчилась от наслаждения и извивалась под его мускулистым телом, и ничего не сказал после, миссис Фарли не смутило. Слова важны для молоденьких дурочек, а ей нужен здоровый, крепкий мужчина. Вдова осталась очень довольна и рассчитывала, что подобные встречи повторятся еще не раз. Она даже готова была немного поступиться своими принципами и сквозь пальцы смотреть на задержки с оплатой. Миссис Фарли теперь наряжалась особенно тщательно и норовила почаще попадаться постояльцу на глаза. Но он, казалось, потерял к ней всякий интерес, и если она заговаривала с ним, старательно избегал ее взгляда. Миссис Фарли это огорчило, и она винила во всем Элис. Но теперь, застав ее на лестнице в слезах, растерянную и жалкую, вдова мысленно потирала руки и довольно улыбалась. Элис ничего этого не знала и радовалась, что миссис Фарли не гонит ее на улицу.

Около девяти часов Грем вернулся, и поднимаясь по лестнице, весело насвистывал какую-то песенку, но при виде Элис, лицо его изменилось и приняло упрямое выражение, которое говорило, что он не намерен извиняться и считает себя полностью правым. Он открыл дверь и пропустил Элис вперед. Так же молча и не глядя на нее, он снял пальто и шляпу, и посмотревшись в зеркало, аккуратно пригладил рукой светлые волосы. Он не предложил ей пройти, и Элис стояла у двери, сжимая в руках маленькую дамскую сумочку, чувствуя себя полной дурой.

– Грем. – сказала она, пытаясь поймать его взгляд. – Тебе не кажется, что наша ссора зашла слишком далеко?

– А кто виноват, Элис? – холодно спросил он. – Ты и только ты.

– Неужели мы расстанемся из-за такой ерунды? – в голосе у девушки звучала паника. – Грем! Ради бога, посмотри на меня! Я так измучилась за эту ночь. Я глаз не сомкнула! Если бы я знала, что тебя это так разозлит, я бы взяла эти деньги не раздумывая. Ты, конечно, прав насчет них. Мне не следовало быть такой... щепетильной, как ты сказал. Если бы я могла посоветоваться с тобой, спросить твое мнение, но у меня просто не было времени... Я не подумала... Я...

Элис тщетно пыталась справиться с подступающими слезами. Весь ее вид говорил о том, что она полна раскаяния и сожаления, и тронутый ее словами, Грем, наконец смягчился.

– Вот ты говоришь, что поступила бы по-другому, так? – он заговорил мягче и наконец посмотрел ей в глаза. – А ведь у тебя есть возможность все исправить.

– Правда, Грем? Ты так думаешь? – она перестала всхлипывать и приготовилась слушать его.

– Конечно. – он подошел к ней и милостиво протянул руки. Ободренная Элис кинулась к нему на шею, но он расцепил ее руки и усадил рядом с собой на кровать. – Подожди. Выслушай меня внимательно. Я тут подумал немного. Ты, конечно, поступила очень глупо. Даже не представляешь, как я был зол на тебя.

– Но ты ведь уже не сердишься, правда, милый? – Элис смотрела на него с любовью и обожанием.

– Как я могу сердиться на свою маленькую женушку? – Грем всегда называл ее так в шутку, и она таяла от этих слов. – Я тут подумал: что с того, что они уехали? Ты ведь можешь написать им, не так ли? Написать и попросить денег, которые они сами тебе предлагали. Напишешь, что попала в затруднительное положение и вспомнила о них. Если они, как ты говоришь, люди благодарные, то они вышлют деньги почтовым переводом. Вот и все.

Грем был доволен собой и смотрел на нее с гордостью. То, что он придумал, казалось ему очень разумным. Элис же сразу сникла, и восторга у нее заметно поубавилось.

– Ну что такое? – спросил он, видя, что новая идея ей не понравилась.

– Грем, – растерянно пролепетала она. – Я не могу так поступить. Теперь это будет совсем неудобно.

– Почему же? – он зло прищурился, готовясь разбить ее аргументы в пух и прах.

– Да потому что эти люди уже уехали, и теперь получится, что я выпрашиваю у них деньги. Может быть они уже забыли про меня и... я... мне...

Грем резко поднялся и отбросил ее обнимающие руки.

– Ну как знаешь. – тон его снова стал холодным и равнодушным. – Вижу, ты ничем не хочешь нам помочь. Только и заботишься о том, что скажут другие, да что подумают. Я лишь хочу предупредить тебя, что через два дня уезжаю в Сасекс. Один.

– Как? Ты хочешь бросить меня?

– Пожалуйста, Элис, не надо слез. Я уже не слишком верю им, если говорить откровенно.

Ты только и можешь что плакать и болтать попусту. А как дойдет до дела, так тебя и нет.

И вдруг добавил совершенно не к месту:

– Ты даже спать со мной не хочешь. Дразнишь меня точно мальчишку. Если бы ты была такой порядочной, как говоришь, ты бы меня к себе совсем не подпускала, не разрешила бы делать кое-какие вещи с тобой... Ты просто все продумала и держишь меня на коротком поводке.

– Грем, как ты несправедлив! – она была унижена и раздавлена. – Разве не ты говорил, что нужно только не заходить слишком далеко, разве не ты просил довериться тебе?

Ответ был жесткий и короткий.

– Девушка в таких вопросах не должна доверять никому! Впрочем, – сухо добавил Грем, – живи как знаешь. На днях я уеду. Попробую найти работу там. Если у меня выгорит, я пришлю тебе письмо и вызову к себе. Если нет – ты вольна делать все, что тебе заблагорассудится. Только позволь дать тебе совет напоследок. В следующий раз не подпускай к себе мужчину так близко. Он может оказаться не таким терпеливым и порядочным как я.

Грем ходил по комнате, засунув руки в карманы и глядя в пол. Голос его был равнодушным и невыразительным. Она не могла видеть его таким. Он еще был здесь, но она уже чувствовала себя одинокой. Если он уедет, она навсегда потеряет его. Грем нравился женщинам. Такой уж он был. И в другом городе, наверняка найдется девушка, которая даст ему все, что он хочет. Этого она допустить не могла.

– Хорошо, Грем. – В голосе ее звенела решимость. – Я напишу это письмо. Я попрошу Кросли выслать мне денег. Я сделаю все, что ты скажешь. Правда. Я сегодня же поговорю с отцом и заставлю вернуть мне мои деньги. Только скажи, ты не уедешь без меня?...

Этих слов оказалось достаточно, чтобы он мгновенное изменился и из чужого, холодного человека снова превратился в ее любимого Грема.

– Детка, детка! – сказал он, обнимая ее и целуя в голову точно маленькую девочку. – Неужели ты думаешь, что мне легко расстаться с тобой? Особенно теперь, когда мы уже почти муж и жена? Я не хочу никуда уезжать! Поверь, для меня это было бы слишком тяжело. Но иногда ты бываешь такой упрямой, такой несговорчивой и совсем не хочешь мне помочь. А ведь я не требую от тебя ничего предосудительного, ничего постыдного...

На следующий день Элис написала миссис Кросли письмо. Грем был тут же рядом, расхаживал по комнате, заложив руки в карманы, и давал наставления, что именно следует написать, чтобы вызвать к себе побольше жалости. Он был деловит и бодр, и уже потирал руки, рассчитывая на крупную сумму.

А Элис душил стыд и каждое слово давалось с трудом. Она еще никогда ни у кого не выпрашивала денег, и ей казалось, что она совершает нечто до крайности унижительное. Она кивала Грему, но не слушая его советов, написала письмо, сдержанное и вежливое, без заискивающего тона и жалобных слов. Грем не заглядывал ей через плечо, поскольку был уверен, что она сделает так, как он говорит.

– И напиши, что ты осталась совсем одна. И что ты в отчаянии... Что тебе не у кого попросить помощи.

– Послушай, милый. – Элис вдруг повернулась к нему и сказала решительным тоном. – Пообещай мне одну вещь.

– Конечно. – он устался на нее, удивленный тем, что она по-видимому его не слушала. – Все что угодно, милая!

– Пообещай, что как только мы получим деньги, то сразу поженимся. Не станем больше тянуть. И если отец вернет мне мои сто фунтов, мы снимем комнату и станем жить вместе.

– Ну, разумеется! – он опустил перед ней на колени и, взяв ее за руки, поцеловал ее пальцы. – Как ты можешь сомневаться? Для чего же я по-твоему все это затеял? Не думай, что я не хочу. Очень даже хочу, поверь.

Элис вздохнула и запечатала письмо, чтобы бросить его в почтовый ящик по пути в госпиталь.

Миссис Кросли выслала деньги незамедлительно. В конверте оказалось пятьдесят фунтов. Грем был слегка разочарован.

– По правде говоря, милая, я думал, что они окажутся более щедрыми, – он пересчитал купюры и спрятал их в боковой карман. – Могли бы раскошелиться и не жадничать. – Но в целом он был очень доволен. Теперь у них есть деньги и немалые.

В этот же день, собравшись с духом, Элис сообщила мистеру Барнхему, что если не получит своих денег, то обратиться к адвокату, и его притянут к суду. Она с трудом выдавила из себя эти слова. Грем уверял, что надо проявить жесткость и сразу пригрозить ему, иначе не будет толку (Начнешь мямливать да размазывать и ничего не добьешься. И не поддавайся жалости. – напутствовал он, – Знаю я этих стариков!). Выслушав эту фразу, произнесенную робким, дрожащим голосом, похожую скорее на мольбу чем на угрозу, мистер Барнхем посмотрел на дочь другими глазами. Сперва он опешил и переспросил:

– Ты что же, угрожаешь мне судом? Мне, твоему отцу?!

– А что ты прикажешь делать, если от этих денег зависит моя дальнейшая жизнь? – голос Элис упал до шепота, ей стало страшно от собственной дерзости.

– Может быть, лучше попросишь своего разлюбезного... уж не знаю, как там его... – мистер Барнхем раздраженно взмахнул рукой.

– Грем, папа, его зовут Грем! Я тебе тысячу раз говорила! – стоило старику затронуть Грема, как она забыла о жалости, и голос ее окреп.

– Так может быть попросишь его пойти поработать?

– Довольно, папа. Это бесполезный разговор. – Элис теперь была непреклонной и добавила твердо. – Мне нужны мои деньги.

– Вот значит как. – мистер Барнхем с трудом поднялся со своего кресла и подошел к дочери. Он покраснел и насупился. – Решила, значит, засудить родного отца. Ну что ж, я не дам тебе так опозорить меня на старости лет. Ты получишь свои деньги. Немедленно. Но для начала я бы хотел сделать кое-что, чтобы ты запомнила это, как родительское благословение... – и он размахнулся и влепил Элис пощечину такой силы, что у нее зазвенело в голове, и посмотрел на нее с отвращением. И всегда потом смотрел только так и никак иначе, до тех пор, пока Элис Барнхем не покинула родной дом навсегда.

Зато теперь в кармане у Грема лежало сто пятьдесят фунтов. Он был доволен и весел. Настроение его заметно улучшилось. Он сводил Элис в кино, потом на вечернее представление, они несколько раз ужинали в маленьком ресторанчике с забавной вывеской. А Элис, видя как он достает деньги, доставшиеся ей ценой таких унижений, и без всякой жалости платит ими за билеты, за ужин, за коробку конфет, за новую шляпу для себя, не получала от этих маленьких удовольствий никакой радости. Тем более, что не смотря на уговор, он так и не заговорил о свадьбе, а Элис не хотелось на него наседать. Было что-то унижительное в том, чтобы вручив ему деньги, принуждать его к женитьбе. Как будто она покупала его свободу. И она молчала и вздыхала украдкой.

В конце ноября миссис Кросли прислала Элис письмо самого неутешительного содержания. Она писала, что дела идут плохо, и ей больше не к кому обратиться.

«С тех пор, как мы вернулись домой, все было как будто хорошо. Джон был рад, что снова дома среди родных. Но через некоторое время я заметила (знаете, матери всегда тонко чувствуют такие вещи) он стал немного странным. Перестал ужинать с нами вместе, стал очень замкнутым и малоразговорчивым. Знаете, мисс Барнхем, у него было очень много друзей прежде. Но он никого из них не захотел видеть. Он сидел у себя в комнате и выходил только в случае крайней надобности. Я пыталась с ним поговорить, но он только отмахивался. Также и мистер Кросли не имел успеха. Мы вызывали врачей, которые могли бы нам помочь. Но все оказывалось бесполезно. Он либо не хочет их слушать, либо не выполняет их рекомендации. Единственная тема, которая затрагивает его или интересует хоть немного – это госпиталь и вы, мисс Барнхем. Когда он говорит о вас – голос у него теплеет, и он становится не таким замкнутым, не таким отчужденным. Не знаю, как это объяснить, но это так. Я бы не стала вас беспокоить, но вчера произошло событие, которое меня страшно напугало. Муж случайно заглянул к нему в комнату и увидел, что Джон пытается застрелиться! Мистер Кросли помешал ему, конечно, но мой бедный сын все-таки успел произвести выстрел. Пуля только слегка задела плечо. Но, когда ему делали перевязку, лицо его было полно мрачной решимости. Мы уверены, что он попытается сделать это снова, и возможно (мне даже страшно об этом думать!) следующая попытка будет безуспешной.

Мисс Барнхем! Прошу вас, не считайте меня навязчивой. Когда-нибудь у вас будут дети, и вы поймете, на что способна мать ради своего ребенка, и возможно, не станете осуждать меня. Впрочем, уверена, вы и сейчас не станете, вы слишком добры и великодушны. Вы писали, что у вас денежные затруднения и, я подумала, что может быть вы согласитесь поработать у нас сиделкой хотя бы некоторое время. Мы щедро заплатили бы вам. Может быть при вас он не станет думать о смерти и снова станет прежним Джоном, которого мы все так любили? Вчера вечером я случайно увидела, что он разговаривает с вашей фотографией и мне показалось, что он плачет. Мне кажется, мисс Барнхем, он нашел в вас некую внутреннюю опору, которая помогла ему перенести все испытания в госпитале. Умоляю, примите мое предложение и помогите ему еще раз. Вы пробудете в нашем доме ровно столько, сколько пожелаете. Уверю вас, вы ни в чем не будете знать отказа.

Прошу вас, напишите мне сразу же ответ, что бы я знала, что могу рассчитывать на ваше великодушие. В конверте я также посылаю визитную карточку и деньги на дорогу.»

Элис прочла письмо и огорчилась. Жалко эту несчастную. По всему видно, что она очень добра и не заслуживает таких страданий. Элис представила в каком страхе живет миссис Кросли и посочувствовала ей. Но еще больше она жалела бедного лейтенанта, который по видимому не мог смириться со своим новым положением.

Если бы Элис была чуточку опытнее и не показала письмо Грему! Сама она не из чего решительно не умела извлекать выгоду и поэтому не придавала письму никакого значения. Она только расстроилась, и поделилась этим огорчением с женихом. Он пробежал письмо глазами и немедленно за него уцепился.

– Слушай, малышка, а ведь это очень кстати! – он уставился под ноги, что-то прикидывая про себя.

– Что кстати?

– Как что? Это предложение. – Разговор происходил на улице, Элис продрогла и хотела поскорее заскочить в теплый подъезд, но Грем удержал ее. – Мы могли бы снять там комнату, ты бы работала у этих...

– Кросли... – подсказала Элис, подпрыгивая на месте, ноги у нее заоченели от прогулки на холоде.

– Вот именно. Кросли. Нет, правда. – сказал Грем, все больше воодушевляясь. – Ты будешь получать хорошую зарплату, я тоже найду себе работу. Ведь на днях мы поженимся и будем жить как мечтали.

– Совсем неудачная идея, – сказала Элис все еще пытаясь согреться в движении.

– Почему же? – улыбка сошла с лица Грема.

– О! Грем, только не злись, пожалуйста. Я тебе все объясню. Лейтенант взрослый, дееспособный человек. Ему вообще не нужна сиделка, понимаешь? Допустим, я пробуду у них месяц. А потом меня рассчитают, и что мы станем делать тогда? Здесь, по крайней мере, у меня есть работа. И я не хочу уезжать в Портсмут. Я должна хотя бы изредка навещать отца...

– Ладно, пойдем. – он сразу стал вялым, как бывало всегда, когда у него что-то не получалось.

Он открыл перед ней дверь, и пропуская ее вперед, заговорил снова:

– Знаешь, я тут подумал: пока ты будешь работать у этих Кросли, я попробую найти тебе какого-нибудь старичка в этом районе или старушку, а когда ты рассчитаешься, и Кросли дадут тебе хорошую рекомендацию, ты легко получишь место. Там хорошо платят, но неохотно берут на работу, понимаешь? И потом ты забываешь, что я в это время тоже не буду сидеть сложа руки. Найду работу, пусть и не очень доходную...

«Что же тебе помешало сделать это до сих пор?» – невольно подумала Элис, слушая его рассуждения.

– Нет-нет, – говорил он не умолкая и увлекаясь этими планами все больше. – Поверь, это очень хорошая идея. Я даже считаю, что нам повезло. Такой случай представляется раз в жизни. – Грем уже прошел в комнату, а Элис все еще стояла у двери. Ей ужасно не хотелось говорить об этом, тем более с Гремом. Она как-то не заметила, но появилось много тем, которые она уже ни за что не стала бы с ним обсуждать.

– Хватит нам торчать в этой дыре. – продолжал говорить он, не обращая внимания на то, что она молчит и по-видимому не разделяет его восторгов. – Этот город мне осточертел. Здесь меня преследуют сплошные неудачи! – Поймав ее возмущенный взгляд, он тотчас поправился. – Разумеется, если не считать нашу с тобой встречу, милая. Ну что ты застряла в дверях? Раздевайся!

– Ты не все знаешь. Прочти еще раз письмо миссис Кросли. Неужели ты ничего не понял?

– Зачем мне читать его еще раз? Если тебе есть что сказать – говори.

– Он просто влюблен в меня, понимаешь?

Грем посмотрел на нее очень внимательно и взял из ее рук письмо. Он быстро пробежал его глазами, как и в первый раз, но теперь сказал:

– Похоже ты права, Элис. Что же, между вами что-то было? Он приставал к тебе? – Он стоял рядом, держа в руках письмо, и обшаривал ее лицо цепким взглядом.

– Как тебе не стыдно, Грем! – Элис была возмущена. – Прекрати, пожалуйста! Разве ты забыл при каких обстоятельствах мы с ним познакомились? Он перенес две тяжелейшие операции, во время которых был между жизнью и смертью! Ему два раза отнимали ногу! А знаешь, Грем, что такое ампутация? Я могу рассказать тебе, чтобы ты не вздумал фантазировать на тему приставаний!...

– Хорошо, хорошо! – Грем поднял руки, показывая что сдается. – Ты меня убедила. Не будем больше говорить об этом. Давай пить чай, я ужасно продрог...

Они пили чай с молоком, как любил Грем. Элис он не слишком нравился, но теперь она делала многое из того, что не нравилось ей, но нравилось Грему. Это значит – быть с мужчиной. Так она думала. Раньше она была сама по себе, и могла делать все, что хотела, а теперь у нее есть любимый. Многое нужно будет поменять, ко многому приспособиться. Мужчины лучше разбираются в жизни. Правда, Грема не назовешь практичным человеком. Прежде она была уверена, что у него не пропадет ни шиллинг, но теперь вынуждена была признать, что Грем

весьма далек от разумной экономии. От ста пятидесяти фунтов, которые казались ей очень крупной суммой, осталось только восемьдесят. А ведь прошло всего две недели. Если так пойдет и дальше, то они останутся на мели. За каторжный труд в госпитале Элис получала всего пять фунтов в неделю, этого явно недостаточно, чтобы Грем оставался в хорошем настроении. А Грем без денег – это нервный, вечно недовольный и раздражительный человек. То, что он может в любой момент бросить ее, она уже поняла. Это было очень неприятное открытие, как впрочем и то, что он любит ее не очень сильно или... не любит вовсе.

Но, странное дело, это открытие вовсе не сделало его менее привлекательным в ее глазах. Напротив, ей теперь стало казаться, что нужно удержать его во что бы то ни стало. Вся беда в том, что они все еще не были женаты. Как только они обвенчаются, он сразу станет более расчетливым, более бережливым. Ведь она будет не просто девушкой, а женой, и он уже не сможет бросить ее из-за пустяковой ссоры. Она постарается приучить его бережно относиться к деньгам и научит ограничивать свои потребности. Так думала Элис.

Они пили чай и ворковали. Грем кормил ее пирожными, которые купил в кондитерской напротив.

– Какая ты сегодня красивая, милая! – восхищенно говорил Грем, глядя ей в глаза и слизывая остатки воздушного крема с ее пальчиков. – У тебя такой жаркий румянец! Ты похожа на фею! Я сегодня заметил, что мужчины с тебя глаз не сводят. А ты выбрала меня! Я так счастлив.

Грем бывал иногда таким романтичным и милым и умел сказать такие приятные слова! Она слышала комплименты много раз, но никто не умел говорить так как он, задевать какие-то особые струны в ее душе... В такие моменты она забывала все: его раздражительность, грубость, его расточительность. Она все ему прощала за несколько ласковых слов и поцелуев.

– Знаешь, дорогая, нам все-таки надо подумать о будущем. Я никак не могу забыть этого письма.

– О! Грем, ведь мы, кажется, решили больше не говорить об этом?

– Как хочешь, но я считаю, что нам надо попробовать. – Грем посадил ее к себе на колени и крепко обнял. – Ты просто примешь это предложение и заработаешь немного денег. Вот и все.

– Но ведь он будет надеяться. Мне будет ужасно неловко, когда он узнает, что я замужем. И это может разбить его сердце.

– Ты могла бы подойти к этому вопросу более деликатно. Не стоит говорить им, что у тебя есть муж. Тебе вообще не нужно говорить им о себе, а тем более обо мне. Снимем комнату и будем жить как настоящие муж и жена. А потом, когда твоя помощь будет ему не нужна, и они рассчитают тебя, мы что-нибудь придумаем. Поработаешь в красивом доме, помотришь, как живут богатые люди. А потом, если ты и в самом деле такая чувствительная, есть еще одна причина. Что, если этот парень и правда покончит с собой? Что ты на это скажешь? Разве тебе его не жалко? Ты говоришь, он герой войны и все такое... Почему же ты не хочешь помочь ему? И как ты откажешь его матери? Она написала такое хорошее доброе письмо и так умоляла тебя. Что же, напишешь ей, что ты занята?

Грем умел убеждать. Особенно, когда говорил ласково и спокойно, и в конце концов Элис согласилась принять предложение миссис Кросли.

Через несколько дней они обвенчались. Так как у них не было ни друзей, ни знакомых, церемония была очень скромная. Только жених, невеста и священник. Священник обвенчал их, попросил обменяться кольцами и поцеловаться, а потом пожелал им всяческих благ и многочисленного потомства.

Они накупили фруктов и шампанского и поднялись в его комнату, чтобы не выходить оттуда до самого вечера. В этот день Элис была необыкновенно хороша! Особенно глаза, излучающие мягкий нежный свет и улыбка, робкая и немного стыдливая. Грем так и сказал ей, что никогда в жизни не видел более красивой невесты.

Сам он был теперь необыкновенно бодр и энергичен. В кармане его свадебного костюма уже лежали два билета на поезд, и он говорил своей молоденькой жене, что Портсмут – удивительный город, и что ей там понравится. К тому же, в Портсмуте ему будет легче найти с работу. Не то что здесь, в этом маленьком провинциальном городке, где он уже попросту начал терять надежду.

– Мы заживем на славу! Вот увидишь! Будем работать, накопим денег, снимем дом, заведем друзей. Я уверен, нас ждут счастливые дни, дорогая!

Оставалось одно, последнее дело, которое касалось только Элис и портило общее радостное впечатление. Нужно было забрать свои вещи и попрощаться с отцом. При мысли об этом, у Элис становилось мутно на душе. Прощаться с отцом было теперь не так-то просто. Когда она приходила домой, он немедленно поднимался из своего кресла и покидал гостиную, давая понять, что не хочет не только говорить с ней, но и видеть ее. Он не здоровался с ней, не отвечал на вопросы и смотрел на нее так презрительно, с таким отвращением, точно она была самой гадкой, самой отвратительной женщиной на свете.

Чтобы не унижаться лишний раз, она решила не прощаться с ним напрямую, а написала письмо, в котором попыталась все объяснить.

Грем поцеловал ее в макушку и вышел прогуляться. Это было очень деликатно с его стороны.

Оставшись в одиночестве, Элис долго думала, и действительно накатала целое послание, в котором извинения и просьбы о прощении сменялись упреками. Письмо вышло очень длинным и путанным. Пробежав его глазами, она вспомнила презрительное лицо отца и подумала, что это послание вообще не имел смысла. Он наверняка не станет его читать, а если и прочтет, все равно останется при своем мнении. Поэтому она скомкала первый вариант и написала совсем короткое письмо, в котором сообщала, что вышла замуж и уезжает жить в другой город, где ей предложили работу. Она сожалеет что все так получилось и вышлет ему свой новый адрес как только устроится. И подписалась: «Любящая тебя Элис.», чтобы он знал, что она продолжает любить его ни смотря ни на что.

Она оставила листок на столе в гостиной, зная, что вечером мистер Барнхем выйдет пить чай и непременно увидит его. Элис уже собрала вещи и стояла с большим чемоданом в руках, с тоской глядя на дверь в его комнату, откуда не доносилось ни звука. Может так даже лучше. Когда он увидит это письмо, ее уже не будет в городе, и ему некому будет демонстрировать свою неприязнь. Может быть, он прочтет письмо и пожалеет о ней. Она тяжело вздохнула, в последний раз огляделась вокруг и решительно покинула родной дом.

По сравнению с Уилоби, Портсмут показался Элис огромным городом. И вокруг было так много людей, что она затосковала, и с тревогой сжимала руку Грема, теснее жалась к его плечу. А Грем, напротив, был чрезвычайно доволен. Во-первых, сказал он, ему уже приходилось бывать в этом городе и даже жить здесь. Во-вторых, он вообще любил смену обстановки. Перемена места жительства всегда бодрила его. Слушая его, Элис потихоньку вздохнула. В этом они были совсем непохожи. Она любила постоянство и расстаться с родным городом, где она знала каждую улицу, ей было тяжело.

Погода стояла отличная, светило солнце и на душе у Элис было и тревожно и радостно. Она чувствовала себя замужней дамой, которая приехала сюда с мужем начинать новую жизнь.

Дом, в которой Грем снял квартиру, располагался далековато от Риджентс, но зато он был такой чистенький и уютный! И домовладелица, миссис Фарелл, оказалась очень милой и дружелюбной, не то что миссис Фарли в Уилоби. Правда, квартира состояла только из спальни, маленькой кухни и ванной, но ведь больше ничего и не требовалось. К тому же Грем сказал, что они будут реже сидеть дома и чаще выходить в город по вечерам. Ведь ее зарплата, целых двадцать фунтов в неделю! позволяла им теперь жить так, как они и мечтать не могли. Грем тоже был счастлив и доволен. Здесь ему нравилось гораздо больше, чем в Уилоби. Это город боль-

ших возможностей. Так он сказал. Он мигом найдет себе работу по душе и постарается зарабатывать не меньше своей милой женушки. Он стал заметно веселее и спокойнее. Ушли мрачное настроение и раздражительность, и Элис убедилась, что Грем часто бывает прав, и надо впредь слушать его более охотно.

Теперь ей предстояло встретиться с супругами Кросли и с их несчастным сыном. Миссис Кросли получила от Элис письмо и ждала ее приезда со дня на день.

В этот знаменательный день, Элис надела самую лучшую блузку, белую с высоким воротничком и пышными рукавами и черную юбку из плотной ткани. Этот наряд должен был показать, что она знает свое место и понимает, чего от нее ждут. Все-таки, она была нанята в качестве сиделки, а не подруги лейтенанта Кросли. Однако, посмотревшись в зеркало платяного шкафа, Элис пришла к выводу, что этот туалет ей чрезвычайно к лицу и делает ее похожей на школьную учительницу. Белая блузка оттеняла нежный цвет лица и гармонировала с темными, почти черными волосами. Чтобы не выглядеть слишком строго, она выпустила из аккуратно забранных волос несколько локонов около высокого лба. Теперь отражение показалось ей более живым и волнующим. «Неужели я так тщательно наряжаюсь для Джона Кросли? – спросила она себя и рассмеялась вслух, потому что скорее хотела понравиться его родителям и произвести благоприятное впечатление на них.

У нее было немного времени в запасе, и она решила выпить чаю. Выходя из спальни, Элис бросила взгляд на большую деревянную кровать и слегка покраснела. Грем был таким страстным этой ночью! Они уснули только по утрам, обессиленные и счастливые. Став мужем и женой, они могли наслаждаться друг другом в полной мере! Волнующие ощущения пронесли в ее памяти, и она подумала, что будет с нетерпением ждать следующей ночи.

Элис прошла в маленькую кухню, выпила чашку чая и взглянув на часики (подарок Грема к свадьбе), решила выйти из дому заблаговременно. Чувствуя себя настоящей хозяйкой, она окинула взглядом свои владения и вышла на улицу. Грем вышел раньше, чтобы прогуляться и купить свежие газеты. Он намеревался всерьез заняться поисками работы. Так что они попрощались, еще когда она одевалась. Он пожелал ей удачи и, конечно, стал целовать ее и попытался раздеть, но Элис, смеясь оттолкнула его и велела держать себя в руках. Грем нежно поцеловал ее в висок и прошептал на ухо, что следующая ночь будет еще лучше...

Элис без труда добралась до Риджентс, так как это была самая известная улица в городе, и судя по колоннам и цветникам, здесь жили только богатые или очень состоятельные люди. И особняк Кросли был очень красивым, хотя и не самым большим.

Слегка волнуясь, Элис позвонила в дверь, и почти сразу открыла горничная в униформе, очень вежливая и предупредительная. Она приняла у Элис пальто и хотела проводить ее к миссис Кросли, но не успела этого сделать, потому что в холл вышли сама миссис Кросли и ее муж, и через некоторое время послышался ровный стук костылей и показался Джон Кросли.

Все трое радостно улыбались и жали ей руки. Миссис Кросли, такая же элегантная, в скромном, темном платье из тяжелого шелка, светилась радостью и не переставала благодарить Элис за доброту. Она видимо возлагала на нее самые большие надежды. Не смотря на красивый наряд и элегантность, лицо ее было измождено и было заметно, что улыбаться она стала только сейчас. Мистер Кросли был более сдержан, но тоже весьма дружелюбен. Он спросил, хорошо ли она доехала и быстро ли нашла их дом. Но самым счастливым было лицо лейтенанта Кросли. Он смотрел на Элис не отрываясь и как будто не верил своим глазам. Протянув ей руку для приветствия, он улыбнулся и сказал, заметно волнуясь:

– Как я рад видеть вас, мисс Барнхем! Я был уверен, что больше не увижу вас никогда.

Он был в штатском, которое ему очень шло. Серая куртка, накинутая на плечи и короткие бриджи такого же серого цвета, светлая рубашка без галстука. Все это было достаточно дорогое и элегантное, но не имело для него большого значения. В одежде была заметна легкая небрежность, которая отличает всех богатых людей. Элис мысленно сравнила его с Гремом,

который любил все яркое, бросающееся в глаза. Цветные жилеты, брелки, цепочки – все это доставляло ему огромное удовольствие и, увы, наносило существенный урон их скромному бюджету.

И вообще, Элис вынуждена была признать, что если бы не отсутствие ноги, лейтенант Кросли мог бы считаться настоящим красавцем. Она как-то не замечала этого в госпитале, когда он был болен и потом, когда пошел на поправку, но он был очень симпатичным мужчиной. Русые волосы, немного вьющиеся, чистые карие глаза, короткий, но правильный нос, волевой подбородок, но самое главное в нем была та сдержанная мужественность и сила, которая отличает решительных и прямых людей.

– Мисс Барнхем, – весело сказал мистер Кросли. – позвольте я предложу вам свою руку и провожу вас в гостиную. Давненько я не держал под руку хорошенькую девушку!

– Ах, ты, старый ловелас! – рассмеялась миссис Кросли и шутиливо хлопнула его платком по плечу. – Идемте пить чай. Вы уже завтракали, мисс Барнхем? Ничего в вашем возрасте можно кушать все, что захочется. К тому же вы такая худенькая! В наше время были в моде девушки поплотнее.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.